

АЛЛА
ХОЛОД

РАЗОРЕННОЕ
ГНЕЗДО

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Психология преступления. Детективы Аллы Холод

Алла Холод

Разоренное гнездо

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Холод А.

Разоренное гнездо / А. Холод — «Эксмо», 2022 — (Психология преступления. Детективы Аллы Холод)

ISBN 978-5-04-169850-8

Евгений – преуспевающий бизнесмен, владелец сети популярных ресторанов, а также глава большой дружной семьи, все члены которой живут под одной крышей, в уютном особнячке в центре города. Он верный муж, любящий отец, заботливый сын и брат. Совершенно непонятно, кому из родственников, беззаботно живущих под его крылышком в семейном гнезде, вдруг захотелось убить своего благодетеля! Поняв, что на его жизнь покушается кто-то свой, Евгений пытается разобраться в происходящем самостоятельно, без помощи полиции, и это только усугубляет ситуацию. В одиночку ему не распутать тугой клубок и не спасти свою жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169850-8

© Холод А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алла Холод

Разоренное гнездо

© Холод А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Двадцатидвухградусное тепло неожиданно снизошло на город во второй декаде апреля. И было понятно, что это пока не весна, ей еще нечего делать в наших не слишком приветливых широтах в такое время, а всего лишь заплутавший южный антициклон, который случайно ошибся адресом. И внезапно набухшими почками, и легкими, высокими, шустрыми облачками весна лишь дразнит, кокетничает, демонстрирует, какой любезной она будет, когда придет время. Зима была промозглой, она безумно утомила всех бесконечными температурными качелями, редкими, но парализующими движение снегопадами, которые после очередного скачка температуры делали город одним сплошным грязным и мокрым пятном. Март оказался не лучше – он измотал какими-то особенно буйными ветрами, и сейчас, когда выглянуло яркое, не по-апрельски ласковое солнце, все радовались, в том числе и я.

Я никак не мог заставить себя пойти домой. Я думал провести вечер наедине со своими невеселыми мыслями, но в итоге с удовольствием и большим аппетитом поужинал, присоединившись к супружеской паре, своим давним знакомым, которые приняли мою компанию как приятную неожиданность. Они были завсегдатаями самого любимого из моих ресторанов, и мы прекрасно провели время «за счет заведения», на чем мне удалось настоять на правах хозяина. Мы не спеша выпили по большому стакану ледяного пива с подкопченным палтусом, не пренебрегли жульеном из белых грибов, после чего каждый выбрал то, что хотел. Дама предпочла котлеты из щуки с овощным гарниром, мужчины, то есть мы с ее мужем, – томленные телячьи щечки с гречневой кашей. За время кризиса, в течение которого ресторан понес неизбежные кадровые потери, готовить хуже не стали. Все, как и прежде, было на высоте: приборы начищены до блеска, водка отменно холодная, дама с легкостью нашла в меню именно то вино, которое предпочитала всем остальным. Фикусы в кадках авторской работы поражали своей свежестью и ухоженностью, баритон, исполнявший у нас старинные романсы три раза в неделю, как всегда, сорвал свою порцию бурных аплодисментов. Поскольку с этими своими знакомыми я виделся нечасто, не пришлось поддерживать разговор на общие темы, поскольку их было не так много. Мы посетовали на невозможность выбраться на любимые курорты, негативно высказались о решении мэрии организовать выделенные полосы для общественного транспорта на самых крупных магистралях, плавно перешли на гастрономические пристрастия друг друга, вскользь коснулись общих знакомых. Никакой конкретики, ничего такого, что в последнее время могло испортить настроение. После кофе с ликером мои гости ушли, расслабленные и весьма довольные. Ресторан скоро закрывался, работать до последнего клиента нам теперь не разрешали. Я ушел к себе в кабинет, включил настольную лампу, погулял по сайтам и соцсетям в поисках новостей и внезапно почувствовал навалившуюся непонятно отчего усталость – даже не утомление, поскольку тот день не был для меня таким уж перегруженным, а скорее оцепенение. Чем ближе становился момент моего возвращения домой, тем более гнетущим делалось мое состояние. Я мысленно поблагодарил свою жену Риту за то, что она не явилась сюда меня искать, как это иногда случалось, и даже ни разу не позвонила мне и не написала в мессенджер что-нибудь обиженное.

Я открыл окно, чтобы впустить неожиданно теплый для апреля воздух. Из моего кабинета видна пешеходная часть улицы, прохожих в этот час почти не было, только какой-то оди-

нокий собачник выгуливал резвого подростка-ретривера. Из клуба, расположенного неподалеку, вывалилась шумная компания пьяненькой молодежи и двинулась в сторону центра. Что они выкрикивали, я не слышал. А откуда-то с близкого расстояния донеслись звуки музыки, которую я никак не мог вспомнить. Пока я пытался понять, что это за мелодия, в одну секунду воцарилась кромешная тьма. Я мгновенно ослеп и от неожиданности даже не сразу сообразил, что произошло. Отключения электроэнергии в нашем районе не такая уж редкость, но каждый раз, если это происходит в темное время суток, погружение во мрак вызывает у меня неприятное ощущение. Потом я пытался вспомнить, в какой последовательности произошли события: сначала я услышал пронзительный звук или все-таки раньше дом погрузился во тьму. Ничего у меня не получалось. Сколько бы я ни пытался воссоздать последовательность событий, каждый раз мне казалось, что это произошло одновременно.

Когда в песнях про войну и остросюжетных фильмах мне встречался такой поэтический образ, как «свист пуль», меня ничто не корбило. Да и как может человек не согласиться с тем сравнением, мнение о котором никогда в жизни лично составить не мог? Я, как и большинство мирных людей, никогда не слышал звука пули, пролетающей в непосредственной близости. Свист ли это? Или какое-то адское жужжание? Или оглушительный звон, который на мгновение лишает слуха и способности соображать? Впрочем, меня этот звук не лишил самого главного – инстинкта самосохранения, ибо в ту же секунду, когда прозвучало нечто из чуждого мне, совершенно не моего мира, я отпрянул от окна и вжался в стену. И вовремя: потому что звук повторился во второй раз буквально через две секунды. А вслед за ним – яркий, веселый звон разбитого за моей спиной вдребезги зеркала. Потом я понял, что меня спасло: во-первых, свет погас именно в то мгновение, когда стрелок уже прицелился и был готов нажать на курок, и его мозг просто не успел дать команду на отмену ранее выданного приказа. Во-вторых, я не испугался, меня не парализовало от ужаса, потому что я просто не понял в ту минуту, что это свистит, жужжит или звенит справа от моего уха. Я не знал звука летящей пули, потому испугался только через несколько секунд. Слышал ли мой несостоявшийся убийца звук разбитого зеркала, понял ли, что я остался жив? Эти вопросы зародились в моей голове не в то же мгновение, а лишь спустя какое-то время: через минуту, может, две или даже пять. Я услышал звуки открываемой двери, топот и шум голосов. Ресторан еще не закрылся, смена только закончилась, заведение приводили в порядок.

– Евгений Петрович, с вами все в порядке, где вы? Ой!

Грохот опрокинутого стула вывел меня из шокового состояния.

– Осторожно, сюда не заходите, – сказал я и стал нащупывать путь к выходу из кабинета. В этот момент один из официантов направил налобный фонарь в мою сторону, и я легко нашел дорогу в коридор, ведущий в один из обеденных залов.

Во мрак погрузились все соседние дома, достаточно было выглянуть в окно, чтобы понять: в районе приключилась очередная авария, ибо тьма наступила кромешная. В таких случаях подачу электроэнергии восстанавливают часа через два, не раньше. В ресторане оставались только двое ребят, Эдик и Руслан, которые готовились закрывать заведение, с помощью фонаря мы кое-как осмотрели разбитое зеркало, после чего они поплелись за мной в мой кабинет, зажгли свечи, рассчитанные на то, чтобы украшать романтическую трапезу, и замерли в ожидании распоряжений. Наконец один не удержался:

– Евгений Петрович, надо вызывать полицию. Ведь стреляли... Может, это покушение...

Я не дал ему развить свою мысль.

– Ну и как ты себе это представляешь? Нигде нет света. Пока включают электроэнергию, пройдет еще какое-то время, может, два часа, если не больше. Потом только начнут разбираться. Мы тут застрянем на всю ночь, а у меня совершенно нет сил.

– Но ведь это не шутки, огнестрел, скорее всего, – возразил Руслан, – а вдруг вас снова попытаются убить?

– Да может, это и не меня хотели убить, с чего ты взял? – упорствовал я. – Там из «Бешеной собаки» компания пьяная только что вывалилась, может, они между собой что-то не поделили, мало ли кто гулял, какие только отморозки сейчас по ночам не шляются. Кто мог хотеть меня убить? Кому я нужен? А вот если мы вызовем полицию, то плохая реклама на всех информационных порталах нашему заведению на завтра обеспечена в полном объеме. У нас и так полная задница, вы хотите совсем закрыться, да? Никакой локдаун не понадобится, уж можете поверить, какой идиот пойдет туда, где постреливают?

Я замолчал, мои мальчики тоже подавленно молчали, воспоминание о вынужденном простое и связанном с ним тяжелом периоде было не самым приятным.

– Мы только-только начали выкарабкиваться, – удрученно заметил я, – Впрочем, вы взрослые, законопослушные граждане. Я не имею права на вас давить, и препятствовать вашему обращению в полицию я тоже не смогу. Но вы должны быть готовы к тому, что мы опять закроемся, и на этот раз неизвестно, сможет ли нас спасти хоть что-то...

Мальчики пошептались между собой.

– Мы все поняли, Евгений Петрович, вы, конечно, правы. Но как же вы? Получается, что вы в опасности? А вдруг они повторят, когда поймут, что вы живы?

– Профессионал не промахнулся бы, – усмехнулся я, – и отключение света ему бы не помешало, а в любом другом случае я разберусь сам. Не ребенок. Так что давайте, ребятки, снимем это злополучное зеркало и положим его в кладовку, но не в какую-то из общих, а в стенной шкаф в моем кабинете. И пусть клининг завтра у меня не работает, надо уборщице сказать, что я закрою кабинет и пусть она сюда не суется до моего появления. Сможете предупредить?

– Конечно, не проблема.

– Язык держать за зубами. Это вопрос нашей выживаемости. Между прочим, в ваших же интересах.

После этого я взял у ребят фонарик, чтобы воспользоваться туалетом, а когда возвращал его, отметил про себя, что мои мальчики все-таки здорово перетрухнули: достали из холодильника бутылку водки и тарелку с какой-то закуской. Я попрощался с ними и вышел на совершенно темную улицу. В голове крутилась мысль: оставил стрелок свой пост или продолжает наблюдать за зданием? Придя к выводу, что может быть и так и этак, я все-таки двинулся в сторону своего дома. Мне предстояло преодолеть всего два квартала, обычно даже в ночи весело и нарядно подсвеченных витринами небольших дорогих магазинов (все-таки самый центр города!) и уютно мерцающими окнами домов. Сейчас улица выглядела так зловеще, словно ее тщательно подготовили к съемкам фильма в стиле нуар. Город казался вымершим, но я почти не обращал внимания на мрачный антураж, ноги сами несли меня. Я уже с трудом верил, что еще какой-то час назад я усиленно продлевал застолье и искал любой предлог, лишь бы только оттянуть момент возвращения домой.

Хилая версия о разборках в пьяной компашке, выходившей из «Бешеной собаки», была выдана мною официантам спонтанно, я вовсе не думал, что выстрелы прозвучали именно с той стороны: когда за моей спиной со звоном разбилось зеркало, подогретый в клубе молодняк отошел уже далеко. Переходя на более резвый аллюр, я не пытался бежать от смертельной опасности, хотя, конечно, боялся насильственной смерти, как всякий нормальный человек. И я не геройствовал – это качество мне не присуще вовсе. Мне нужно было срочно заглянуть в одно укромное местечко. Туда, где я прятал пистолет.

Ствол появился в моем доме неожиданно и против моего желания. Я, в отличие от многих мужчин, никогда не испытывал пиетета к оружию, не уважал его силу. Я не мог взять в руки даже охотничье ружье. Можете считать меня лицемером, но я не в состоянии убить ни животное, ни птицу, хотя если бы я не любил мяса и не понимал толка в его приготовлении и подаче,

в ресторанном бизнесе не прожил бы и дня. Я даже рыбу ловил только раз в жизни, уступив настойчивому желанию друзей. Та рыбалка закончилась тем, что, к удивлению всей компании, я довольно быстро поймал крупного карася и тут же его отпустил: мне хватило одного взгляда на то, как рыбка хватается воздух, как мутятся ее глаза, которые, казалось, были устремлены прямо на меня. ... Того единичного рыбацкого опыта мне хватило на всю жизнь, больше я даже не пытался. Когда-то в молодости на Черноморском побережье я ловил креветку сачком, это было. Но глазки у креветки – это крошечные черные бусинки, и я не чувствовал, что имею дело с разумным существом, не ощущал никакой связи с ним. Одним словом, я с удовольствием ел рыбу и мясо, отдавал должное всякого рода дичи, наслаждался раками, осознавая, что их варят живьем, но предпочитал оставаться в стороне от процедур, связанных с убийством любого живого существа. Вот мой младший братишка Виталик в своей разгульной молодости очень уважал и рыбалку, и охоту, куда его приглашали какие-то из его многочисленных приятелей, и даже привозил домой дикого зайца, которого мама запекала с чесноком. Заяц был вкусный, но таил в себе массу опасностей в виде дробинки, застрявших в мясе.

Пистолет, строго говоря, был не мой, его несколько лет назад подсунул мне тот же Виталик, пообещав, что очень скоро расскажет мне о том, откуда он и зачем его обязательно и срочно – но, главное, честное слово, совсем ненадолго! – нужно спрятать. Виталик в тот момент, когда он притащил в мою квартиру оружие, был не вполне трезв, говорил нечленораздельно, явно паниковал по неизвестному мне поводу, мельтешил и вообще вел себя не совсем адекватно. Хотя мне этого и очень не хотелось, я обещал взять оружие, но только на пару дней, после чего братишка должен был его забрать обратно и объяснить мне, что это за ствол и откуда он взялся. Но дальнейшую участь пистолета решила моя жена Рита, причем в совершенно неожиданном для меня ракурсе. Она заявила, что в доме, где есть деньги, должно быть и оружие. Вначале я был шокирован: я всего лишь хотел оградить от неприятностей своего импульсивного, не всегда предсказуемого, но от того не менее любимого брата, для меня самого любое соприкосновение с криминалом (а хранение непонятно какого ствола иначе не назовешь) не просто нежелательно – недопустимо. Но у моей жены имелись другие резоны. Когда-то в юности, когда она еще жила с родителями в частном доме, на их семью было совершено разбойное нападение. Трое представителей самой что ни на есть отморозенной шпаны ночью выставили стекла в окне первого этажа и ворвались в дом. Все могло закончиться настоящей трагедией, если бы сосед – давний партнер Ритино папы по шахматам и неспешному распитию вечерней бутылочки – не услышал шума и не выскочил во двор, отчаянно паля из охотничьего ружья. С тех пор у Риты развилась настоящая фобия, и со временем, когда я уже заработал достаточно денег на то, чтобы выбрать себе хорошее жилье, она категорически отказалась от постройки частного дома. «Я не смогу в нем спать ни одной ночи, через месяц жизни в таких условиях я стану законченной психопаткой», – сказала она, и мы раз и навсегда закрыли тему постройки небольшого особнячка, о котором я страстно мечтал. Была у Риты и еще одна фобия: она не выносила лифтов. Корни этого страха тоже уходили в ее прошлое. Она рассказывала, что отдыхала с подругой в санатории курорта Партенит в Крыму. Они с приятельницей выбрали этот санаторий из соображений экономии, но заведение оказалось куда более запущенным, чем могли предположить подруги. Постоянное отсутствие воды в кранах, неработающие кондиционеры – это еще полбеды, а вот когда девочки застряли в лифте, в котором, кроме них, находилось еще человек десять, вот тогда мою нежную и впечатлительную Риточку охватила жестокая паника. Дети принялись кричать, женщины визжать, мужчины пытались раскрыть двери лифта вручную. Подать сигнал персоналу санатория оказалось невозможно – работники учреждения свято чтит часы сиесты и в послеобеденное время дозваться кого-то не представлялось возможным. Когда людей выпустили из лифта, одни были уже на грани, а другие в самом разгаре истерики. Воспоминание об этом досадном инциденте преследовало мою весьма впечатлительную супругу на протяжении многих лет. Пока мы еще по молодости находились

в стесненных финансовых обстоятельствах, ее фобии на нашей жизни никак не отражались, но когда я начал достаточно зарабатывать и настал подходящий момент для улучшения условий нашей жизни, Рита одним махом обрубилась мне крылья. Во-первых, она ни за что не соглашалась жить в частном доме, как бы хорошо он ни был оборудован системами безопасности. Моя мечта номер один – об уютном участке с туями, беседкой, вылизанными до стерильности дорожками и прудиком в японском стиле – была срезана на корню. Я хотел большой камин в просторной гостиной, я мечтал о лестнице, которая будет вести в спальню. С мыслями о своем доме я просыпался и с ними же ложился в постель и быстро засыпал, когда перед моим мысленным взором возникала именно та картинка, которая грела мне душу. Эти мечты позволяли мне не концентрироваться на трудностях текущего дня, не впадать в панические состояния, когда что-то не получалось. Они ограждали меня от внешних раздражителей, которых день ото дня становилось все больше. Но Рита твердо и непреклонно сказала свое категорическое «нет». Она – боже упаси – не скандалила и не пыталась на меня давить, да ей это было и не нужно. Она всегда умела сделать так, что виноватым чувствовал себя я. Ведь это я забыл о том, какой стресс она перенесла в юности и как он отразился впоследствии на ее психическом состоянии. Я не подумал о том, какой жертвы может стоить ей уступка моему вкусу и моим капризам (капризам – именно так!). Углубляться дальше не хотел уже я сам. Нет так нет.

Я предложил жене другой вариант – пентхаус в новом элитном доме с роскошной панорамой, которую обеспечивали и высокий этаж, и окна почти во всю стену. Там тоже была предусмотрена возможность иметь настоящий камин, о котором я так мечтал. Я загорелся, но Маргарита опять сказала категорическое «нет». Она не может пользоваться лифтом, она никогда не войдет в лифт без крайней необходимости, продиктованной вопросами жизни и смерти! И уж тем более нет такой силы, которая заставила бы ее испытывать этот стресс каждый день! Да, я знал, что даже когда ей предстояла консультация врача и нужно было подняться на восьмой этаж областной больницы, Рита упорно шла пешком, как бы она при этом себя ни чувствовала. Или она так делала только при мне? Но если мне казалось, что, когда проходит достаточное время, страхи забываются, то Рита так не считала. У моей жены имелась особенность: хорошее она действительно забывала довольно быстро, плохое – никогда.

Маргарита, как всегда, старательно изображала полную лояльность любым моим планам, кроме тех, которые она, увы, не может принять в силу обстоятельств, имевших место в ее хоть и далеком, но не забытом прошлом. Так что ее фобии полностью отрезали мне пути к решению жилищной проблемы в том ключе, который выбрал бы я сам. В итоге мы долгое время жили в ничем не примечательной, хотя и очень добротной современной трешке свежего дома в центре города. Когда родилась Алиса, нам стало не то чтобы тесновато, но Рита считала, что мы существуем «слишком кучно». Дочь росла, и в этом процессе она, как воздух, стала занимать весь предоставленный ей объем. В том числе и тот, куда ее не приглашали. Она заполняла собой все пространство, и Рите сделалось тесно.

Пока у меня не появились первые настоящие деньги, Рита не заговаривала о том, какое жилье она хотела бы иметь – хотя бы в своих мечтах. Но чем лучше у меня шли дела, тем чаще она стала водить меня на якобы просто приятные прогулки по старому центру, засматриваться на старые особнячки, которые пока еще сохранились в исторической части города, любоваться эркерами, миниатюрными колоннами, львиными головами. Она восторгалась крошечным садиком, который каким-то чудом сохранился перед входом в особняк на тихой улочке, и пришла в совершенное изумление, когда мы подошли поближе и поняли, что дом жилой. «Никогда бы не подумала, – сказала Рита, – я думала, здесь какое-то учреждение». Она даже как будто расстроилась и все дорогу назад молчала, на мои вопросы отвечала односложно или невпопад. В общем, включила обычный набор своих уловок, чтобы я наконец понял, о чем она мечтает и в каком доме хочет жить. Она и дальше продолжала вздыхать и всячески подчеркивать проблему тесноты нашего проживания с взрослеющей девочкой, даже несмотря на то, что

дочь это отчетливо видела и понимала, одновременно разделяя мамины взгляды и обижаясь на нее за явное желание отделиться. И когда семь лет назад мне подвернулся вариант обмена одного из моих помещений на страшно запущенный двухэтажный особняк в самом центре, я уже не сомневался в том, какое в итоге приму решение. Вернее, не я, а моя семья.

Впрочем, наверное, рассказывать нужно по порядку. Моя семья – это не только жена и дочь. У меня есть родители. Младший брат со своей собственной ячейкой общества. Двоюродная сестра. У меня большая семья, все члены которой, как выяснилось, нуждаются в моем руководстве и моей помощи – главным образом организационной и материальной. И еще в том, чтобы быть ко мне поближе, а именно – под одной крышей, где всю эту помощь удобнее и сподручнее получать. И чтобы объяснить, как вышло, что предложенный моим самым близким другом Борькой особнячок, который я, уступая Ритиным предпочтениям, сделал все-таки своей собственностью, стал гнездом не только для моей семьи, нужно начинать издалека.

Глава 1

Мой папа, Петр Никифорович Шуваев, никогда не рассказывал мне о том, кем мечтал стать в юности. Он вообще не большой любитель поговорить. После окончания политехнического института он остался на кафедре, защитился, стал преподавать. Являлось ли это смыслом его жизни? Не знаю. В советские времена люди вроде моего папы не ставили себе невыполнимых задач, а те, что были, решали постепенно и последовательно. Вуз, диссертация, должность... До самых высот мой папа так и не добрался, профессором не стал, но мне кажется, что разочарование из-за этого испытывала только мама. Папе было все равно. Он вообще смотрел на жизнь полужакрытыми глазами и слышал ее тоже вполуха. Кроме книг, мало что в жизни было ему по-настоящему интересно. Мама, Ксения Алексеевна, – другое дело. Когда-то, юной девушкой, только что окончившей вуз, она по протекции попала в райисполком на временно свободное декретное место в отдел писем и обращений граждан и с тех пор даже не вспоминала о полученной в университете специальности, хотя периодически та ей все же пригождалась. Мама окончила факультет романо-германской филологии, вторым ее языком был французский, и иногда, когда город посещали иностранные гости, Ксения Алексеевна использовала свои знания. Мама упорно держала имидж ученой и изысканной дамы, читала Жапризо на родном языке, декламировала Бодлера, одним словом, всячески показывала, что администрация приобрела многое в ее лице. Вряд ли в закоулках властных коридоров она смогла ощутить свою причастность к принятию решений, но когда мама попала в райисполком, ее оттуда уже калачом было не выманить. От того, кому она распишет обращение, зависело, как скоро власть вмешается в реальные проблемы людей, на ее глазах строились и рушились карьеры, и пусть сама Ксюша была всего лишь незаметной пылинкой, носимой по коридорам районной власти, ей эта роль нравилась. Со временем мама перебралась из района в город, в аналогичный отдел, а потом и возглавила его. Она не обладала никакой властью, не влияла на принятие решений, но зато и ответственности никакой на ней не было. Она пережила многих градоначальников, но сама оставалась неизменной при всех властях – всегда с тщательно уложенной прической, в строгом деловом костюме, исполнительная, строгая к себе и к подчиненным. Со временем в ее облике изменились только две вещи: вместо шпилек она стала носить туфли на невысоком устойчивом каблуке, а когда-то смело открытую шею стала прикрывать шелковыми шарфиками.

Мама тщательно соблюдала политес даже в семье, номинальным главой которой числился отец. Она лишь советовала и делала уточнения, которые впоследствии становились обязательными для всех. На самом деле, только став взрослым, я понял, насколько глубоко папе пофиг все вокруг. Он никогда ни с кем не спорил, а в случае, если от него требовалось решение, говорил: «Я подумаю». На самом деле думала и решала мама. Я считался с этим, когда был ребенком и подростком, безразличный к тому, от кого зависят важнейшие вопросы моей жизни: куда я поеду летом отдыхать, какую куртку мне купят, пойду ли я встречать Новый год в свою компанию или буду умирать от тоски на семейном празднике. Когда я вырос, папин род занятий определил мой выбор вуза: Петр Никифорович, мой родитель, так здорово умел объяснять точные предметы, что с самого детства эти науки давались мне легко, и оценки у меня были только отличные. На самом деле я просто шел по пути наименьшего сопротивления: пока я не знал, чем по-настоящему хочу заняться в жизни, и просто нащупывал легкую дорожку. Мой младшенький по тому же пути не пошел: Виталик – гуманитарий до мозга костей, я даже не представляю себе, что он ответит, если его спросить, что такое синус или косинус. Я только знаю, что по точным дисциплинам удовлетворительные оценки в школьном аттестате он получил исключительно благодаря каким-то невероятным ухищрениям нашей вхожей во все кабинеты матушки. Но дело даже не в этом. Виталик по сути своей бунтарь, не желающий подчи-

няться никому, в том числе – а может быть, более всего – родителям. Он не признает никаких авторитетов, не желает мириться ни с какими ограничениями, даже более или менее разумными. У него в жизни существует только один ориентир – его желание. Хорошенький, как ангелочек, он одной своей очаровательной улыбкой заставлял окружающих мириться со всеми его закидонами и особенностями поведения. Потом, правда, появился второй ориентир, еще более четкий: это желание его жены Викуси. Но тут я опять пытаюсь забежать вперед.

В институте у меня сразу же появился друг, который вскоре стал закадычным и без которого я и шагу не мог ступить. Борька Старков. Мы подружились как-то в одну минуту, сразу почувствовав родство наших душ. Он с ума сходил от старого рок-н-ролла, целыми днями слушал «Мэднесс», Чака Берри и Элвиса. Мне тоже нравилась эта музыка. Борька затащил меня в секцию спортивного рок-н-ролла, она была единственной в городе, нигде и никак не рекламировалась, и я так и не понял, как мой друг вообще о ней узнал. Я подозреваю, что спортивного рок-н-ролла как дисциплины в те времена еще и в помине не было, во всяком случае, ни о каких соревнованиях и турнирах даже и речи не шло. Были просто сумасшедшая музыка, безбашенные танцы-выкрутасы, веселые, отвязные девчонки, которые с удовольствием разделяли наш умопомрачительный досуг. Потом уже, вспоминая эту секцию, я пришел к выводу, что наш тренер пусть и не являлся спортсменом, но равных ему в исполнении рок-н-рольных трюков было еще поискать, и если бы перед нами все-таки ставили задачу где-то выступать и что-то завоевывать, то мы, скорее всего, не оплошали бы. Вторым нашим с Борькой увлечением стало хождение по пивным забегаловкам. Ничего, кроме пенного, мы в ту пору не употребляли, но и питье пива было не пьянством, а скорее ритуалом. Нашей тайной игрой, в которую мы никого не посвящали. Она в конечном итоге и определила мой выбор будущей профессии.

Игра была простая. Имелось три условия: пивное заведение не должно быть дорогим – это как раз не представляло сложности, ибо дорогими были только рестораны. Оно должно находиться в пешей доступности от политеха и наших домов, а жили мы, по счастью, недалеко друг от друга. И третье – оно не должно быть пристанищем местной алкашни. Точек, удовлетворяющих наши запросы, нашлось немного, и активнее всего мы посещали три из них. Во-первых, полуподвальный бар «Гномик», прозванный так в народе за то, что при входе имелось некое панно с изображением толстошекого карлика в остроконечной шляпе, который держал в одной руке пенящуюся кружку, а в другой – большого рака на тарелочке. Несмотря на сомнительные художественные достоинства произведения, вид довольного гнома неизменно вызывал у нас обоих обильное слюноотделение. В полуподвале всегда стоял тяжелый дух пивных закусок: копченой мойвы и скумбрии, который попеременно с пивными парами пьянил еще до первого прикосновения к первой кружке. Кроме рыбы, в «Гномике» подавали и свиные шашлычки, если так можно назвать жаренные традиционным способом куски свинины, нанизанной на деревянные шпажки попеременно с кольцами припущенного лука. В те времена промышленной свинины не было в принципе, поэтому те шашлычки я вспоминаю как деликатес, до того вкусными и сочными они были. Несмотря на тяжелый пивной и рыбный дух, просиживать в «Гномике» мы могли часами. Там стояли мощные деревянные столы и стулья под стать им, очень удобные. Поскольку посетители в бар в основном заваливались большими компаниями, маленькие двухместные столики были чаще всего в свободном доступе, и нам с Борькой никто не мешал. Официанты, привыкшие к нам, сразу вели нас куда нужно.

Другим нашим излюбленным заведением стала столовая «Гармоника», где пиво являлось основным пунктом меню. Там было светло и относительно чисто, на столах имелись вышитые скатерки, на раздаче к пиву давали вполне приличные сосиски, бутерброды с икрой мойвы или минтая и фантастический по своим вкусовым качествам капустный салат. Третьим нашим излюбленным заведением стала «Пирожковая», которая каким-то чудом сменила обанкротившийся вполне приличный ресторан на главном городском проспекте. В «Пирожковой» было не только пиво, там предлагали выпить кофе, какао и крепкий алкоголь, а кроме пирожков,

подавали куриный бульон и салат оливье, но нас привлекало именно огромное меню пирожков с любыми начинками: печенкой, мясом, зеленым луком и яйцом, капустой, наперченной картошкой и даже рыбой. Обмен веществ у нас с Борькой был отменным, поэтому пирожки мы могли употреблять в любом количестве, тем более что на своих рок-н-рольных тренировках все равно сжигали все подчистую. Особым достоинством «Пирожковой» оказалось соседство с музыкальным училищем, которое обеспечивало постоянное присутствие в кафе неземных эфемерных девушек в крепдешиновых и шифоновых платьях летом и розовых джемперочках зимой. В основном пианисток и скрипачек. Появлялись там совершеннолетние великовозрастные вокалистки, которые не отводили томных глаз от двух парней, а напротив, скользили по нашим заинтересованным физиономиям оценивающе, с любопытством, а то и с нескрываемым интересом.

Иногда мы забегали на ходу и в другие пивнушки, но все это было не то и уже почти совсем стерлось из памяти. А вот игру нашу я помню отлично, она заключалась в следующем. Как только мы обустривались за столиком, начинали представлять, что бы мы сделали, будучи хозяевами данного заведения. Я предлагал меню, Борька – интерьер. В другой раз мы менялись ролями. Я даже помню тот вечер, когда я впервые осознал, что не просто играю...

Мы зашли в «Гномик», когда занятия уже закончились, а никаких романтических перспектив на ближайший вечер ни у кого из нас не имелось. Мы были не просто голодны, мы находились на грани обморока, потому что за весь день, проведенный в своем политехе, не удовлетворили изнывающие желудки ни одной хоть сколько-нибудь внушительной крошкой. Никаким фастфудом в те времена еще и не пахло, а шоколадки из ближайшего киоска не входили в наш с Борькой рацион. От терпкого духа копченой рыбы и пива у меня закружилась голова, друг не стал ждать, пока мы устроимся за столиком, обнял официантку, которая давно нас знала по именам, и попросил принести пива, хлеба и мойвы. Так мы рассчитывали утолить первый голод, а уж после первой кружки заказать сытные, сочные шашлычки. Когда официантка, которую я уже, конечно, не помню по имени, принесла по кружке и тарелку душистой жирной рыбы, мы включились в игру. В тот день меню придумывал я, мой друг предлагал интерьер.

Борькина концепция заведения выглядела так: все отмыть и отчистить, чтобы не было и намека на прошлые запахи. А вот деревянную мебель оставить, но, разумеется, новую, сделанную на заказ. На стенах развесить рыцарские гербы и щиты. Тогда мы еще не бывали за границей, не представляли себе, что такое чешские или, скажем, баварские рестораны, но мысли у моего товарища текли именно в этом направлении.

– Отсюда нужно убрать мойву и всю эту дурацкую скумбрию, – мечтательно заявил я, – здесь надо подавать жареные свиные ребрышки. Возможно, с картофельным пюре.

– Да уж, мойва воняет, от нее руки потом не отмоешь, – согласился Борька, открыв башку у рыбки и с наслаждением выдавливая из ее нутра весьма аппетитную икру, – это не для приличных людей. Не для ресторана.

– А вот если ту же рыбку положить на ржаной хлебушек, – продолжил я, – предварительно ее разделать, отделить хвост и голову... в общем, соорудить бутерброд, то будет совсем другое дело.

Помню, я даже наглядно показал, что имею в виду: вот он – квадратный кусок хлеба. А вот на нем рыбка... а вот тут, в уголке, икра, как украшение и весь цимес всего бутерброда. Выглядело весьма аппетитно.

Тогда я еще не знал, что через несколько лет на месте «Гномика» возникнет ресторан чешской кухни «Крумлов», и панно с пухлым гномом на входе заменит вид этого прелестного чешского городка. Ни одна из стен, ни одна плитка пола не сохранит и толики того запаха мойвы, который казался неистребимым на веки вечные. Что на кухне станут варить раков, жарить карпов и запекать утку с яблоками. И что свежее чешское пиво из бочек будет здесь

так же популярно, как и «Бехеровка», ставшая едва ли не визитной карточкой заведения. И главное, что хозяином всего этого великолепия буду я.

Наши с другом попытки осуществить студенческие мечты совпали с окончанием пятого курса. Ни я, ни Борис не горели желанием работать по специальности. Если мой друг хотя бы на ранних периодах студенчества еще видел себя инженером и интерес к выбранной профессии у него ослабевал постепенно, то у меня его не было никогда. И в тот момент, когда я, как порядочный и послушный мальчик, защитил диплом, тем самым отдав родителям свой сыновний долг, я уже твердо знал, что ни на какое предприятие я работать не пойду. Шли 90-е, жизнь в то время стремительно менялась, все переворачивалось с ног на голову, рушились идеалы наших родителей, молниеносно и непонятно в какую сторону менялось государственное устройство. Было одновременно и страшно, и весело, и непредсказуемо. Несбыточные мечты могли в любой момент стать реальностью. А стабильность могла в одну секунду превратиться в прах. Все друг друга обманывали. Верхушка дурила народ, люди – друг друга. Все пытались урвать свой кусок, верить нельзя было никому. На этом фоне всеобщей головокружительной гонки за золотым тельцом нам с Борькой выпал шанс.

По иронии судьбы фортуна предоставила нам возможность испытать удачу в той самой «Пирожковой», которую на первых двух курсах мы глубоко уважали за пианисток и скрипачек, коих там усердно и зачастую весьма успешно охмуряли. Оказалось, что заведующей этого бессмертного заведения работала двоюродная сестра Борькиной мамы, которую он с самого детства и в глаза не видел и которая в момент возникновения юридической коллизии обратилась за советом к родственнице, имея в виду, что старший сын в семье, Борькин брат, успешный юрист. Он в то время только-только бросил свою практику в уголовном суде и открыл контору по регистрации малых предприятий, не успевал обслуживать всех желающих и расширял штат не по дням, а по часам. По счастью, мой друг в тот момент был дома и сумел разобраться в ситуации.

Приватизация в стране шла полным ходом, трудовые коллективы различных предприятий по тем законам получили преимущественное право выкупа и долгосрочной аренды занимаемых ими помещений. Предприятия общепита, которые часто объединяли по несколько точек в очень привлекательных местах, самыми первыми поучаствовали в этом процессе. За ними выстраивалась очередь из всевозможных торговых объектов.

«Пирожковая» входила в объединение «Предприятие общественного питания № 8». Коллектив провел общее собрание, соорудил из своих рядов ООО, которое и направило заявку на приватизацию и получение права долгосрочной аренды занимаемого помещения на 25 лет. Но тут все оказалось не так просто. ООО как преемник бывшего общепитовского филиала вместе с преимущественными правами получило и все долги, которые «Пирожковая» успела беспечно наделать за последние годы. Среди них были задолженности по налогам и по оплате съемного помещения, что делало заключение нового договора аренды практически невозможным. Одним словом, тетки, воспитанные в условиях советской торговли, совершенно не были готовы к тому, что им придется вести бизнес в новых условиях и отвечать по долгам. Они привыкли торговать принесенной в сумках водкой, лепить пирожки с самостоятельно купленной начинкой, мухлевать на всем, на чем только позволяла фантазия. Неоплаченные счета никого не беспокоили, потому что никто не мог предвидеть, что жизнь может измениться и повернуться к ним другой стороной. А между тем в прежних условиях «Пирожковая» существовать дальше не могла. На пятки теткам наступал предприниматель с более чем сомнительной репутацией по кличке Прохор, готовый либо погасить все долги нового ООО, либо дожидаться, пока помещение освободят от хронического должника городские власти. Мы с Борькой предвидели, что сработаться с женщинами, воспитанными в худших традициях советской торговли, нам в любом случае не удастся, но другого варианта попасть в число учредителей вожаемого ООО у нас не было. Оставалось найти деньги на погашение долгов, а уж там... Нужную сумму мы

нашли, она не была астрономической. Помню, мы тогда не раз удивлялись, почему торговки сами не скинулись и не завладели своим помещением без всяких там посторонних. Ответ был прост: не считали нужным тратиться. Они были уверены, что двух сопливых мальчиков, которые станут гордо именоваться директорами, надувать щеки и думать, будто они что-то решают, они разведут в два счета. Они просто не поняли, что жизнь изменилась, причем безвозвратно. Что в этой новой наступившей реальности уже никто не станет тратить деньги без конкретной перспективы их умножения.

С моей долей мне помог дед, папин отец. Ярый диссидент, он страшно радовался развалу СССР, с энтузиазмом принимал все перемены в обществе, кроме разве что разгула кровавого бандитизма, который ему сопутствовал. Дед не пропускал ни одного выпуска новостей, ни одной аналитической передачи, которые в изобилии появлялись в то время, с неистовой жадностью читал независимые газеты и готов был митинговать в стенах своей одинокой после смерти бабушки «двушки» до полной потери голоса. Он обрадовался, что мне представился случай попробовать себя в этой жизни, и легко пошел на шаг, которого от него никто не ждал, – продал часть своей уникальной коллекции редких марок.

О перспективе моего вхождения в число учредителей предприятия деду рассказал папа, и когда старик призвал меня к себе, он первым делом принялся жадно и подробно меня расспрашивать, с кем мне предстоит иметь дело и от кого зависит решение того ли иного важного вопроса. Редкие марки и старинные монеты появлялись у деда в результате хитрых и подчас нахальных манипуляций, которые он ловко проворачивал под самым носом у бдительных в то время «органов» и ни разу не попался. Дед умел делать деньги даже в тех условиях, когда без обладания должностью в определенной сфере это было практически невозможно.

– С Борькой можно иметь дело, – вынес свой вердикт старик, – он парень толковый, и ты его хорошо знаешь. А вот от торгашек вам придется избавиться любым путем. Подозреваю, что они считают вас немножко дурачками?

Дед подмигнул мне и с удовольствием взялся за очередной пирожок – я принес ему на дегустацию большой пакет.

– Дед, не налегай на пирожки, я тебя прошу, – взмолился я, – я принес тебе суфле и поджарку и хочу, чтобы ты попробовал.

– Это тоже делают в вашей «Пирожковой»? – спросил старик.

– Нет, это готовят в соседнем кафе, но оно скоро закрывается, обанкротилось, – стал объяснять я, – они будут продавать оборудование для блюд гриль, и повар их, соответственно, освободится, я хочу переманить ее к нам. Ты знаешь, какие там толпы в обед стоят за этим грилем?

– Почему только в обед? – уточнил дед.

– Потому что кафе стоячее, люди приходят туда не посидеть и приятно время провести, а сытно покушать в перерыв. Дед, ты бы попробовал, какое там все вкусное!

Дед съел половину говяжьего суфле под сырной корочкой и целую порцию свиной поджарки, сообщил, что объелся на неделю вперед, и сделал свое заключение:

– Повара переманивай, оборудование покупай, это очень вкусно. Денег я дам, но до поры до времени ты не должен никому об этом говорить. Я имею в виду, в нашей семье.

– А как я объясню, откуда у меня деньги? – несколько опешил я.

– Ну как вариант скажи, что деньги раздобыл Борька, а ты ему отдашь свою долю со временем, – пожал плечами дед, – правду скажешь, когда я умру. Если захочешь, конечно. Хотя про мою коллекцию знают, заметят, что кое-чего в ней не хватает, сами поймут.

– Как-то это не по-семейному, – скис я, – и вообще, я обманывать не очень умею, запалюсь рано или поздно.

– Таково мое условие, хочешь получить бизнес – молчи, – упрямо повторил дед.

– А почему? Просто чтобы понимать...

– Видишь ли, я еще жив. Вот когда умру, вы с Виталиком поделите все поровну, как полагается. А пока что я вправе распоряжаться своим имуществом по собственному усмотрению. Денег, как ты сам понимаешь, у меня нет. Придется кое-что сбыть. Но то, что я продам, я собирал долгие годы. Когда-нибудь вы все равно все это разберете и потратите, но пусть хоть что-то после меня пойдет в дело. В мое время этого было нельзя, теперь можно, мне будет приятно осознавать, что я когда-то рисковал во имя чего-то стоящего. А не ради того, чтобы Виталик все пропил... Он ведь продолжает гульванить, брательник твой?

– Как всегда, – подтвердил я, – веселится, но пока вроде без очевидных неприятностей.

– Пусть веселится, но не на мои деньги, – подытожил дед, – от твоего отца я, конечно, скрывать не буду, но мама пусть тоже остается в неведении пока. Виталик мальчик ветреный, но вроде не злой, а маме за младшенького может стать обидно и все такое... В общем, ты меня понял.

Виталик в то время еще учился в университете на факультете журналистики, хотя он вроде бы никогда не проявлял склонности к этой профессии. Жил он то дома, то вдвоем с приятелем на съемной квартире, из которой они в кратчайший срок устроили настоящий вертеп. У нас он главным образом отъедался и отсыпался, потом начинал скучать и улепетывал обратно в свое логово. Дед был прав по всем параметрам, начиная с того, что имеет полное право распоряжаться собственным имуществом по своему усмотрению, кончая прогнозами относительно Виталика. И хотя я чувствовал себя страшно неловко, условия деда я принял безоговорочно. Он продал часть коллекции и, вручая мне деньги, сказал:

– Я не старый жадный сумасшедший гном, не хочу сидеть на своих сокровищах до самой смерти. Я же достаточно налюбовался на них за свою жизнь. Я чувствую, что из тебя выйдет толк, ты имеешь хорошую идею, и у тебя достаточно ума и фантазии, чтобы превратить ее в реальность. У тебя все получится. А Виталик... Он мальчик неплохой, но без царя в голове. И слишком поверхностный, что ли... А еще он очень корыстный, ты пока этого не осознаешь, но он вам еще продемонстрирует, можешь не сомневаться. Он считает, что все ему должны, в этом принцип его жизни. Хотя не исключено, что это по молодости, может, он еще изменится...

Дед умолк, и мне показалось, что он чего-то недоговаривает и о своем младшем брате я не знаю чего-то, что известно моему деду. Но мне тогда разбирать по полочкам свои ощущения не хотелось, мной владело одно только желание – поскорее начать дело, о котором мы с Борькой мечтали столько лет.

Хотя мама относилась к нашему проекту с некоторой долей тщательно скрываемого ею скептицизма, но отказать в помощи, когда нам стало необходимо заручиться поддержкой в городском комитете по управлению имуществом, не смогла. Не так уж часто она использовала свои знакомства в администрации, в конце концов. Мы с Борькой прошли все необходимые процедуры, стали учредителями, я был избран на общем собрании директором, Борька – моим заместителем, распределение ролей мы предоставили жребии, хотя это и было пустой формальностью. Я, человек, который считал себя хозяином своей судьбы, который так справедливо считал, что начал и построил – пусть и за много лет, но своим трудом и с нуля, – собственный бизнес, я, так гордившийся своей удачливостью и предпринимательской прозорливостью, сейчас должен был ответить, возможно, на самый важный вопрос своей жизни. Я должен был признаться хотя бы самому себе, что уже давно представляю собой человека, из которого весьма эффективно и прибыльно вьют веревки все мои близкие. Я совсем не такой, каким меня считают окружающие и кем я хотел бы считать себя сам, я должен был признать, что долгие годы не управлял своей жизнью, ею управляли другие люди. Я мог бы быть гораздо богаче. Я мог бы еще активнее расширять свой бизнес или путешествовать до изнеможения, я мог бы делать все, что захотел бы, если бы моя семья так ловко не затянула меня в свою паутину. Я помогал жене Рите, которая не всегда справлялась с управлением своим турагентством, постоянно спонсировал Виталика с его чертовой газетой, обустроивал жилье двоюрод-

ной сестры Наташи, оплачивал поездки в Европу для племянника – Артема, угрюмого и вечно недовольного мальчика, от которого нереально было услышать слово «спасибо», делал дорогие подарки жене брата Викиусе, когда брат в очередной раз оказывался на мели, а жене «было надо». Я был всегда всем что-то должен. Я устал, но изменить ничего уже не мог.

В девяностых все было и сложнее и проще одновременно. Мы с другом четко знали, что все, что мы делаем, нужно нам самим. Борькина родственница, от которой поступило изначальное предложение по «Пирожковой», даже потеряв директорский статус, продолжала вести себя по-царски. В коллективе ее звали Султаншей, и ей это прозвище нравилось. Она по-прежнему занимала директорский кабинет, вызывала сотрудниц, орала на поваров и официанток, не очень церемонилась и с посетителями, если возникал какой-то вопрос. Как бы рано мы ни пришли на работу, оказывалось, что она уже отправила людей за продуктами, а когда мы пытались вникнуть в цены эти закупок, волосы у нас становились дыбом. Понятно, что Султанша вела предприятие к новым долгам. С нами она была медово-сахарной, без перерыва предлагала выпить и закусить, но очень скоро для нас с Борькой перестало быть секретом, что за глаза она называет нас в лучшем случае пупсиками, но чаще сопляками. Спиртное, которое официально приобреталось для продажи в зале, не продавалось вообще, но на столах у гостей всегда стояли бутылки. Бабы сначала потихоньку, а потом и практически открыто таскали в кафе свое спиртное и продукты, никого не стесняясь, пили на рабочем месте. Последней каплей стало проведение закрытого банкета, который по документам прошел в «ноль», но в реальности был настоящим полноценным мероприятием с закусками, водкой и горячими блюдами, для производства которых я на дедовские деньги купил-таки гриль в разоренном соседнем кафе. Мы с Борькой приняли решение и разрубили гордиев узел одним махом. Так быстро, как хотелось бы, не получилось, некоторое время длился скандал с причитаниями и угрозами, затем он вошел в фазу открытого противостояния, дошедшего до того, что мне намазали дерьмом дверь, а Борьке кинули через балконную дверь зажженный фитиль... Но мы выстояли. Уладили все юридические формальности и остались наконец одни. Мы набрали молодых официанток, одели их кокетливо и красиво, повысили зарплату поварихе, которую переманили у загнанных соседей, купили новую посуду, скатерти и занавески, повесили на стенах изящные бра, поставили цветы в кадках. До настоящего ремонта дело пока не доходило, для этого нужны были серьезные деньги, имеющиеся изъяны мы прикрыли нехитрым декором. Получилось очень уютно, к нам потянулся народ. На то, чтобы создать новую концепцию заведения и воплотить ее, у нас еще денег не находилось, предстояло еще поработать, но мы с Борькой уже думали и спорили, каким будет наше кафе, которое пока являлось... просто кафе. Это уже была не «Пирожковая», но нового названия мы пока не придумали. Как-то, будучи слегка навеселе, мы стали вспоминать, кто какие книжки любил в детстве, и название придумалось само собой. «Урфин Джюс», так мы называли свое кафе, и неожиданно публике это понравилось, мы не пустовали ни утром, ни вечером. А через полгода мы заработали достаточно денег для того, чтобы начать освоение подвального помещения, которое наши предшественники использовали только для банкетов. Прошла информация о том, что скоро ныне копеечные арендные ставки на городское имущество будут существенно повышены, и мы понимали, что близок тот день, когда мы не сможем содержать такое помещение, не используя его на полную катушку. В то время я работал как каторжный. Ел на работе, приходил домой как зомби, валился на кровать без сил и спал почти без сновидений. Я почти не тратил денег на себя, выматываясь до такой степени, что даже похудел на пять килограммов и в результате стал похож на скелет, несмотря на свою далеко не вегетарианскую диету. Работа меня по-настоящему увлекала, но имелась и еще одна причина, по которой я вел такой образ жизни. У причины было странное имя. Аля.

Идя в тот поздний вечер домой и вполне осознавая, что я едва не расстался с жизнью, я вспоминал о ней, девушке из своей далекой юности, как будто она еще не превратилась в призрак прошлого, как будто я боялся умереть, не увидев ее напоследок. Я не был уверен в том, что два выстрела, свист которых до сих пор стоял у меня в ушах, были произведены из пистолета, который хранится у меня дома. Но внутри меня все разрывалось, я не предполагал, я знал, что никакой другой пистолет выстрелить этой ночью просто не мог.

Мы познакомились с Алей на наших с Борькой рок-н-рольных мероприятиях, которые не знаю как правильно назвать – тренировками или уроками. В общем, там, где мы отрывались по полной и получали колоссальный заряд бодрости и энергии. Наше посещение этих занятий не было никаким образом связано с поиском романтических приключений, поэтому к своим партнершам я не особенно присматривался. В клубе не существовало постоянных пар, и мы постоянно менялись партнершами. Мне одинаково нравилось отжигать со всеми девчонками, потому что все они были живыми и источающими энергию, и каждая излучала какую-то свою. Мне даже нравилось менять партнерш, но объяснение тому имелось не кобелиное, а сугубо спортивное. Рок-н-рольщицы у нас все были как на подбор – длинноногие, упругие, гибкие, и все же они делились на два класса: стильные девочки и спортивные. Последние имели соответствующую подготовку и вытворяли такие чудеса, что не каждый мальчик мог соответствовать их возможностям. Не то чтобы они так уж любили рок-н-ролл, просто получали так определенную разрядку: рядом не было тренера, который унижает и орет, не существовало нормативов... В общем, полная свобода и откровенная демонстрация возможностей своего тела. Спортсменки часто приходили к нам ловить парней для секса, реже для романтики. Аля относилась ко второй группе девушек. Она очень хорошо знала музыку и прекрасно ее чувствовала, начав танец, она входила в него не только телом, но и душой. А то, в чем она уступала спортсменкам, она легко компенсировала за счет своей природной артистичности, грации и отвязной «рок-н-рольности», которой не мог бы научить ни один тренер, особенно спортивный.

Когда у нас появилась Аля, мы с Борькой учились на третьем курсе, а новенькая была для меня просто девушкой из группы, пока я не подошел к ней поближе и не пригляделся повнимательнее, в результате чего меня как будто шарахнуло молнией. Аля не пользовалась большим успехом у парней, но то, что отпугивало в ней других, меня неожиданно взбудоражило и даже потрясло. В целом в ней не было ничего такого уж необычного: высокая, тоненькая, гибкая девушка, с длинными темно-русыми волосами, которые она обычно забирала либо в хвостик, либо в стильный рок-н-рольный пучок. Лицо у нее было правильное, пропорциональное, четкое. И лишь подойдя к ней совсем близко не во время танца, а на перекуре, я понял, что в ней особенного: разные глаза. Редкая генетическая особенность, которая называется гетерохромией. Я думал, что разные глаза бывают только у породистых белых кошек, но оказалось – это не так. Левый глаз у Али был карий и слегка косящий к переносице, а правый – небесно-голубой. Это выглядело настолько необычно, если не сказать диковато, что я слегка оторопел. Казалось, на тебя смотрят два человека. Две девушки. И глядят они при этом совсем по-разному. Аля заметила мое смущение и усмехнулась, при этом один ее глаз выразил именно усмешку, а другой – карий – почему-то отобразил невыразимую глубокую грусть.

До следующей тренировки я еле дожидался, едва переодевшись, снова стал всматриваться в девушку. И опять мне казалось, что на меня смотрят два разных человека. Конечно, это был всего лишь мираж... С этого второго взгляда я заметил, что Аля необыкновенно хороша, но красота ее не просто тихая и неброская, а скорее затаенная, открывающаяся далеко не каждому любопытствующему, а только тому, кто окажется ее достоин. Короче говоря, мы с ней подружились. Сначала просто гуляли и болтали, потом наши прогулки стали заканчиваться в ее съемной квартирке, где мы бесновались, ели, пили... Любовью мы занимались всякий раз по-разному, в зависимости от настроения Али. Она бывала маленькой доверчивой девчон-

кой, которая разрешает мне себя приласкать. Но могла вдруг внезапно напрячься, выгнуться, как это делает кошка, которая игнорирует все, что не касается исполнения ее желаний. Руки вверх – ноги напряжены... Мне оставалось только схватить ее натянутое как струна тело, завладеть им. И она подчинялась. Охотно, страстно.

Где училась Аля, я и понятия не имел. Она жила в сталинском доме в центре города, и ее квартира была битком забита книгами об искусстве, в центре единственной комнаты стоял мольберт, а вокруг всегда валялись разбросанные графические рисунки. На некоторых я узнавал себя, хотя в Алином изображении я выглядел куда более красивым, чем в жизни, как мне казалось. Я пытался ее о чем-то спрашивать, но это не имело смысла – она не отвечала, иногда тихонько смеялась, порой удивительно чистенько напевала что-нибудь из «битлов». Аля была страстной битломанкой, и среди ее рисунков имелось много портретов Леннона и Маккартни, выполненных в ее особой манере. Я бы не мог описать этот стиль, но он был оригинальным, а хорошим или плохим с профессиональной точки зрения, судить не мне. Я ничего о ней не знал, но в период нашей близости мне казалось это не важным. Вернее, не так. Я думал, что Аля – как тонкая и одухотворенная девушка – придумывает себе некую тайну, чтобы придать дополнительной загадочности своему образу. Если я начинал настаивать, она неизменно отвечала вопросом на вопрос: «А какая тебе разница?» Или так: «Ты что – будешь по-другому меня любить, если узнаешь обо мне больше?» В общем, Аля напускала таинственность, и я со временем перестал этому сопротивляться. Зачем? Все равно любая девушка хочет замуж – такой ее создал бог, – а значит, загадка рано или поздно будет разгадана. И с ее чудинками бороться не надо, она такая, какая есть, лучше не рассеивать туманность, которая ее окружает, если ей так уютно в ней живет. Рано или поздно она все равно раскроется. Я предполагал, что при этом она утратит часть своей таинственной прелести, но зато приобретет другую – прочно и уже бесповоротно войдет в мою жизнь.

Как-то вечером мы с ней сидели у нее в квартире за бутылочкой красного сухого. Аля экономно наливала вино, но я знал, что в моем рюкзаке еще одна бутылка, и для нее это будет приятным сюрпризом. В окна яростно стучал дождь, порывы ветра были такими сильными, что мы как замороженные прильнули к стеклам и стали смотреть, как ведет себя стихия. А она, надо сказать, разгулялась вовсю: гнула деревья, швыряла в подоконник пригоршни града, заставляла бегущих в поисках убежища людей гнуться в три погибели. Казалось бы, смотри себе на все это буйство из окна уютной квартиры и радуйся! У нас имелись белый хлеб, куриные котлеты из кулинарии, красное вино, удобная кровать – что еще надо? Но Аля вдруг погрустнела.

– А что дальше? – спросила она меня вдруг.

– Что ты имеешь в виду? – не понял я.

– Что будет с нами дальше? – Аля задумчиво смотрела на буйство стихии.

– Не знаю, ты сама не хочешь это обсуждать, – пожал плечами я, – ты же вообще ни о чем не хочешь говорить... О Кобо Абэ – пожалуйста, о чем-то реальном – нет. Я это имею в виду.

– Ты прав, не хочу, просто в какой-то момент мелькнуло...

Тогда мне показалось, что она плачет. Но нет, я ошибся, она спокойно спросила меня:

– И ты всегда хотел бы жить здесь?

– В смысле?

– Ну, в этой стране?

– В другую пока не приглашали, – усмехнувшись, ответил я, – давай выпьем вина, а то я не пойму, о чем у нас разговор.

– Да нет у нас разговора, – сказала Аля, – это я просто скулю на плохую погоду.

В тот вечер она меня любила как-то по-особенному, но я не задумывался об этом – ведь я считал, что в нашей жизни будет еще очень много таких вот сладких ночей, поцелуев, прикосновений. Много всего.

Оказалось, что это не так. Когда я вечером вернулся к Але, ее не было, дверь никто не открыл. Я не стал ломиться, нет так нет. Пусть девушка подумает о чем-то своем. На следующий день я не пошел к ней специально, из гордости, но на третий не выдержал, а ее опять не было. Опрос соседки, вопреки моим прогнозам, оказался полезным: она сказала, что Аля заплатила за последний месяц и вроде как съехала совсем. Я побежал в наш рок-н-рольный клуб, но и тренер не знал, когда придет Аля и появится ли она вообще. Попытка установить ее личность в художественном колледже тоже ничего не дала. Я сунулся в институт искусств, но результат был тот же. Я не знал об Але ничего, даже ее полного имени! Что такое Аля? Алевтина? Альбина? Алла? Алия? Только тогда я понял, как мало знаю о своей подруге. Квартирная хозяйка ушла в минус, все знакомые туда же. Я стал пытаться нашего тренера, но и он об Але ничего не знал. То есть вообще ничего. Я был в панике, напускная таинственность раньше меня не пугала, я думал, что все объясняется просто: ей приятно «дышать духами и туманами» и оставаться для меня таинственной незнакомкой, которую не так-то просто разгадать. Я и заподозрить не мог, что у нее есть какой-то план. Какой? Почему она исчезла так внезапно? Почему не объяснилась со мной?

Только через несколько дней после исчезновения Али я понял, что со мной происходит. Пока мы были вместе, я не задавался вопросом: влюблен ли я? Я вообще не думал ни о чем таком глобальном. Просто присутствовала в моей жизни девушка, мы с ней проводили много времени, она была какой-то необыкновенной, неземной... Вот на этой мысли я неизбежно спотыкался. Необыкновенной? Да пусть кто-нибудь где-нибудь найдет девушку с такими глазами, и тогда я поверю, что подобные ей где-то существуют! Пока Аля была рядом, я не осознавал в полной мере ее «необыкновенности», я вообще не понимал, что она для меня значит. Но когда она внезапно исчезла, земля провалилась под моими ногами. Я не мог дышать без своей подруги – с каждым днем ее отсутствия это становилось все очевидней.

Сначала я ее усердно искал. Потом на смену чувству беспокойства пришла горькая обида: я осознал, что Аля не хотела, чтобы я ее нашел. Мне было так больно, что я не знал, как мне удастся все это пережить. Потому и с проблемами, связанными с нашим кафе, я справился одной левой. Я был так озлоблен, настолько готов к любому развитию сюжета, что меня уж не получалось испугать. В итоге мы с Борькой удачно выбрались из разборок, хотя для меня все это происходило как в тумане. Я практически ничего не соображал.

Я никогда не спрашивал себя, люблю ли я Алю. Теперь этот вопрос можно было уже и не задавать. Ее разные глаза, ее тихий смех преследовали меня повсюду. Ночью мне снились сны – мучительные, безысходные, – в которых я иду за ней следом, но не могу догнать. Во сне мне говорили: «Женя, Аля ждет тебя там-то и там-то...» И я бежал, рвался, преодолевал какие-то изломанные лестничные пролеты, заглядывал в какие-то странные комнаты и кабинеты, но Али нигде не было. Она ускользала, я все время шел по ее следу и всегда безнадежно опаздывал на какие-то считанные секунды. Во сне я рвал на себе волосы, плакал, но в какое-то мгновение передо мной мелькал ее образ – ее разные глаза. Один слегка косой карий, другой нежно-голубой. И на меня будто смотрели две разные девушки... В каком-то таком безысходном сне я и понял, что люблю ее безумно и совершенно безнадежно. И другой любви в моей жизни уже не будет. Я вел с ней длинные и бессмысленные внутренние диалоги, объяснял, насколько порочным является такое пренебрежение к чувствам другого человека. Да я много чего еще ей говорил... Все равно никто не слышал.

Я с головой ушел в работу, стал жестким, порой и грубым, ошетинился на весь свет. Даже Борька стал от меня отдаляться, он все реже бывал в нашем офисе, все меньше вникал в суть текущих проблем. В то время его брат вошел в какой-то интересный бизнес, связанный со строительством, а за ним потянулся и Борис. Потом я понял, что в тот момент брат просто стал для моего лучшего друга более спокойной и надежной компанией. Ему с ним было легче,

чем со мной тогдашним. Я не обижался, я понимал, что быть рядом со мной сейчас трудно. И лучше пусть Борька уйдет из общего бизнеса, чем из нашей с ним почти братской дружбы. Постепенно так и произошло: мы остались верными друзьями, но ресторанным бизнесом я занимался уже один, без своего студенческого товарища. Если точно подсчитать, то можно было бы вычислить, сколько именно длилась моя любовная депрессия, но я не пытался сделать это тогда и уж тем более не стану сейчас. Один положительный момент из той своей душевной травмы я все же вынес: я настолько плотно работал и настолько мало тратил, в отличие от других новоявленных бизнесменов, которые истово проматывали первые же заработанные деньги, что очень быстро продвинулся в своем деле. Аскетичный образ жизни и заикленность на работе того периода в итоге сделали из меня того, кем я стал – преуспевающим ресторатором, успешным бизнесменом. А потом появилась Маргарита, и рядом с ней я снова ощутил себя мужчиной. Вернее, не снова, а впервые в жизни я почувствовал себя именно так.

Пока мы с Борькой были мальчишками, все мужское концентрировалось у нас между ног, что не удивительно для нашего возраста. Когда же я познакомился с Алей, я вообще потерял понимание о том, кто я и каково мое место под солнцем. Аля была светилом, а я лишь тенью, которую оно отбрасывало. И лишь появление в моей жизни Риты заставило меня почувствовать свою принадлежность к сильному полу. Впервые мне захотелось о ком-то заботиться, за кого-то отвечать.

Последние метры до дома я уже почти бежал, но не потому, что боялся преследования, я почему-то был уверен, что повторять попытку на пустынной, но совершенно темной улице никто не будет, в таком мраке эффективно прицелиться было просто нереально. Дома высились зловещими глыбами, кое-где в окнах мелькали лучи фонарей или уныло и беспомощно мерцали свечи. Когда я добежал до своего дома, я уже взмок от пота, рубашка прилипла к телу, на глаза накатывали капли. Мрак в окнах не был совсем уж крошечным: в квартире родителей, в кухне, горела свеча, это угадывалось по слабому отблеску света на задвинутых шторах. Раздвигать их смысла не было, ибо фонари не горели, а луна, как назло, решила, что ей неохота работать одной за всех, и скрылась за налетевшими откуда-то неприветливыми ночными облаками. Далее мой взгляд переместился на второй этаж. Дома ли Рита, понять было невозможно. Если она валяется на диване с айфоном в руке, то с улицы этого не будет видно. Это же относилось и к другим домочадцам. Я обошел вокруг особняка, но так и не сделал никакого вывода. Время было уже довольно позднее, удрученные отсутствием света родственнички могли попросту лечь спать.

Я открыл дверь в подъезд механическим ключом, что было специально предусмотрено на случай выхода из строя электронной системы, и постарался не шуметь, ибо в отсутствие телевизионных шумов, любой звук мог бы показаться оглушительным. Тихонько прикрыв за собой дверь, я различил приглушенные, неясные шумы: где-то слушали музыку, где-то смотрели что-то юмористическое, в квартире родителей порывивал пес Мотя. Я стал тихонько спускаться по лесенке в подвал, светя себе встроенным в айфон фонариком. Открыл дверь и как можно тише прикрыв ее за собой: никто не должен знать, что я здесь. Сначала мне нужно было проверить очень важное предположение. Еще по дороге, когда я почти бежал по мрачному кварталу, обливаясь потом, я размышлял о том, не совершил ли я ошибку, не вызвав полицию. Нельзя сказать, чтобы я так уж верил в то, что она может в чем-то разобраться, просто отсутствие официального обращения превращало покушение на меня не более чем в мою собственную фантазию. То есть без заявления преступления как будто и не было. Но оно было! Во-первых, я был не один, и мои ребята так же, как и я, слышали звук двух выстрелов, видели зеркало, разбитое двумя пулями. Во-вторых, я еще не сошел с ума, и хотя был слегка навеселе, но до состояния опьянения мне было еще далеко. Да даже если бы я и был пьян, зеркало куда денешьто? Но если дойдет, не дай бог, до повторной попытки, то эти свидетельские показания и вещественные улики станут ничтожными сразу после того, как меня спросят: почему вы не заявили

о преступлении против вас? Что я смогу ответить на этот вопрос? Что я не заявил, потому что боялся за репутацию ресторана, который невероятными усилиями вытаскиваю из ковидного кризиса? Это смешно. Жизнь дороже ресторана, это очевидно и мне самому, и так же очевидно тому полицейскому, которого я удостоил бы подобным ответом. Не может взрослый, умный дядя, построивший, не успев дожить до старческого маразма, целую ресторанную сеть, нести такую пургу. Но я не мог сказать, почему я, мягко говоря, отсоветовал своим сотрудникам куда-либо звонить. Именно сейчас, здесь, в подвале своего осточертевшего мне особняка, мне предстояло понять, правильно ли я поступил.

Пистолет, который когда-то притащил в дом мой не всегда адекватный братишка, остался у нас, я уже об этом упоминал. Виталик так и не дал мне внятных объяснений относительно происхождения оружия, я только понял, что это какой-то неучтенный ствол его приятеля из полиции и что вскоре у нас его заберут. Но ствол так и не забрали. Я надеялся, что о нем знают только Виталик и Рита. Мог предположить, что Викуся тоже в курсе, если ее вообще интересуют столь неудобные и даже неприятные вещи. Насчет остальных членов семьи я даже не думал: кто мог им проболтаться о таком деликатном деле, наказуемом в уголовном порядке? Я считал, что среди моих домочадцев нет заинтересованных в том, чтобы подставить меня или Виталика под статью Уголовного кодекса. Вернее, до недавнего времени считал – лучше все-таки внести это уточнение. В тот момент, когда мимо меня вжикнула первая пуля, я ни о чем не успел подумать, но уже через несколько секунд – не знаю почему – в моем мозгу застряла заноза. Это, конечно, лучше, чем пуля, но тоже довольно неприятно, потому занозой я назвал настойчивую, упорную мысль о том, что в меня стреляли из того самого пистолета, что хранится в подвале моего дома. Как будто в городе больше нигде и ни у кого нет огнестрельного оружия! Но мысль, которая раскручивалась с невероятной скоростью, несла меня в подвал моего особняка. Разговаривая с официантами, я уже был уверен, что пока не проверю свой дом, ни о каком заявлении не может быть и речи. А когда бежал домой по темной улице, мысленно прокручивал про себя все возможные варианты, и хотя крутились они без всякого подробного анализа ситуации, все равно выходило, что в меня не мог стрелять посторонний. Почему? Да все очень просто: я был на хрен никому не нужен.

Когда в 90-х мы с Борькой вломились в «Пирожковую» – а это был первый этаж роскошного здания на главной улице города – вот тогда да, у нас было много врагов. Бизнесмен, который имел на нее свои виды, а потом и тетки, которые потеряли свою прибыльную синекуру. Да, тетки, потому что они водили дружбу не с самыми приличными ребятами и неоднократно напрямую угрожали нам стереть нас с лица земли. Так или иначе, но Борьке бросали в открытое окно бутылку-зажигалку, от которой – не проснись он вовремя – сгорела бы вся его квартира. Мне неоднократно били стекла на моем удобном для этого дела втором этаже. Мы не боялись, мы были молодые и отчаянные, у нас была цель, от которой мы не собирались отказываться. Поэтому мы каждый раз старательно строчили заявления в милицию с подробным указанием всех подозреваемых, чем сводили их дальнейшие попытки практически на нет. Но сейчас... Страна медленно оправлялась от локдауна, ресторанный бизнес, первым получивший удар ниже пояса, поднимался очень медленно. Приходилось придумывать новые услуги и новые варианты работы – продажи навывнос, доставку и иной эрзац нормального ресторанного обслуживания. Когда нам разрешили открыться, мы тряслись над каждым посетителем, боялись совершить малейшую ошибку и неукоснительно соблюдали все требования официальных органов, которые могли осложнить нам жизнь. Ни о каких войнах с конкурентами, ни о каких спорных объектах не было и речи. Я пытался выжить, как и многие мои коллеги по цеху, я жадно хватал воду, как рыба, которую рыбаки, потешившись, снова отпустили в водоем. Никто извне не мог хотеть моей смерти: я не представлял ни для кого опасности, я никому не мешал, я никому не переходил дорогу. С этими мыслями я, пару раз чертыхнувшись в темноте, не полностью объятый моим фонариком, добрался-таки до сейфа. Вернее, это был шкаф, в кото-

ром хранились вещи, которыми не хотелось загромождать квартиру, но которые и выбрасывать пока было нельзя. Какие-то старые документы, папины папки с записями, которые ему давно были не нужны, какой-то дедовский хлам... Там я обустроил и сейф, в котором мы тоже что-то хранили. В том числе и пистолет.

Пот заливал мне глаза и руки тряслись, как у лихорадочного, когда я открывал тяжелую дверь. Сейф распахнулся, и я несколько секунд сидел перед ним в полной темноте, почти не дыша. Это были последние мгновения перед тем, когда мне откроется правда. Что будет дальше, я даже представить себе не мог. Либо я вздохну относительно спокойно – насколько это возможно в моей ситуации – и поднимусь к себе на второй этаж, либо передо мной развернется бездна, на краю которой мне придется балансировать неизвестное количество времени. В конце концов я засунул руку вглубь хранилища, и хотя сердце уже выталкивало кровь с неистовой силой, стал шарить по полкам. Пистолета не было.

Глава 2

Как это ни смешно, но с моей будущей женой Ритой меня познакомила мама. Она как достаточно поживший человек и любящая родительница сознавала, что перемены, произошедшие во мне, объясняются какими-то глубоко личными причинами, но никогда не лезла ко мне с расспросами, понимая, что раскрывать душу я не собираюсь. Она сожалела по поводу Бориного ухода из нашего общего дела, она видела, что я одинок и каждый прожитый день только усугубляет мое состояние, и в один момент все же решилась вмешаться. Или просто Рита подвернулась именно тогда, когда заболел папа. У него начались серьезные проблемы с суставами, и Ксения Алексеевна, благодаря своим многочисленным знакомствам, нашла для него по-настоящему хорошего специалиста – считалось, что в лечении суставных заболеваний равных ему в нашем регионе нет. В процессе одоления недуга оказалось, что у лечащего врача и его пациента много общих знакомых и вообще они как-то очень хорошо сошлись. И вот удача – даже дачи у их семейств оказались совсем поблизости, так что очередные майские праздники родители решили отмечать на воздухе совместно с новыми друзьями. Мама очень настаивала на моем присутствии, и я, понимая, что в последнее время очень мало внимания уделял родителям, согласился. О, моя Ксения Алексеевна умела надавить «на совесть», это всегда было ее сильной чертой. Папин врач и его милая супруга пришли к нам с корзинками, в которых были салаты и некие особые закуски. Там же погромыхивали и какие-то бутылки. На мне было приготовление шашлыка из цыплят: хоть папина подагра к тому времени и перешла в стадию ремиссии, мой будущий тесть не рекомендовал пока отцу налегать на мясо. Риту я даже не сразу заметил: она пряталась за спинами своих общительных и довольно громогласных родителей. Но как только девушка появилась в моем поле зрения, я сразу понял, что это явление – дело рук моей Ксении Алексеевны и, к собственному удивлению, ничуть не разозлился на мать. Девушка была миленькая. Невысокая, стройная, светловолосая, с ямочками на щеках. Она казалась полной противоположностью Али, потому что являла собой некий эталон: вот такой должна быть хорошая девушка, говорил весь ее облик. Девушке не следует быть такой, как Аля – постоянно трясушейся в бешеном рок-н-ролле и большую часть дня пребывающей под хмельком, она не должна косить разными по цвету ведьмиными глазами откуда-то из потустороннего мира, о котором окружающие не имеют ни малейшего представления. Приличная девушка должна быть такой, как Рита, – заботливой дочкой хороших, добрых, интеллигентных родителей, хорошенькой, как двухмесячный котенок. При этом умненькой и образованной – уже как бонус ко всему прочему. Ее появление не вызвало у меня протеста, наоборот, я испытывал мстительную радость от того, что теперь наверняка смогу избавиться от вконец измотавшего меня наваждения. Я еще продолжал вести мысленный диалог с Алей, но теперь тональность его сменилась. Я больше не задавал ей уничижительных вопросов, я торжествовал. В своих мечтах я видел ее, Алю, встреченную случайно на улице, когда я буду сопровождать свою новую подругу Маргариту в ресторан или еще куда-нибудь. А еще лучше – когда мы с Ритой будем идти, везя перед собой детскую колясочку и счастливо улыбаясь друг другу. Чем дольше отсутствовала Аля в моей жизни, тем изощреннее становились мои планы мести, которым, как я чувствовал, никогда не суждено было сбыться. И я принял волевое решение – женился на Рите и запретил себе любые внутренние разговоры. Они, конечно, прекратились не сразу, но всему рано или поздно приходит конец. И когда мой внутренний монолог за отсутствием тем, актуальность которых давно была исчерпана, постепенно иссяк, я вздохнул свободно. В конце концов, я стал женатым человеком, и думать о посторонних женщинах сделалось просто неприлично.

Когда мама ненавязчиво сватала мне Риту – хотя в этом уже не было особой нужды, потому что девушка мне и так понравилась, – она нет-нет да и приговаривала: Маргарита,

мол, имеет экономическое образование, может быть бухгалтером, помогать мне в бизнесе. Таким образом, мама, видимо, закидывала дополнительный крючок, который я, учитывая мое увлечение работой, должен был заглотить с особой жадностью. Моя Ксения Алексеевна всегда знала, что делает! Отчасти она оказалась права: Рита действительно интересовалась моей работой, правда, не в части ее организации. Моя молодая жена обожала рестораны, и для этого у нее были свои причины, обнаружить которые не составило никакого труда. Во-первых, ей очень нравилось «выходить в люди». Она выросла в семье врачей, очень востребованных и профессионально состоявшихся, но для которых побочные заработки были скорее приятными неожиданностями, чем стабильной статьёй семейного бюджета. Рита одевалась со вкусом, но не шикарно, она не могла позволить себе брендовую итальянскую обувь, дорогую одежду и аксессуары. Она не была избалована ресторанами и курортами. Поэтому, когда мы поженились, я решил восполнить некоторые пробелы, и особенно мне хотелось ее баловать оттого, что она этого не просила и уже тем более никогда не требовала. Собираясь в ресторан, Рита наряжалась, подбирала украшения и красилась с особой тщательностью, ей нравилось производить впечатление. Во-вторых, она очень любила необычную, сложную, красиво сервированную «не домашнюю» пищу, а отсутствие необходимости убирать со стола и мыть посуду приводило ее в полный восторг. Еще она любила разглядывать людей, сидящих за другими столиками. Воспитанная в интеллигентной семье, она никогда не делала это открыто и так, чтобы объект ее внимания заметил интерес к себе со стороны постороннего человека. Но я-то видел это, хотя бы потому, что Рита щедро делилась со мной своими впечатлениями. И, наконец, ей безумно льстило то, что хозяином заведения, которые мы посещали, являлся ее муж. Она царствовала. Она приходила не просто посетительницей, она чувствовала себя хозяйкой. И она была несколько наивна и простодушна в этих своих помыслах, что я не мог сопротивляться ее очарованию. Никаким бухгалтером Рита, конечно, не стала, слава богу. Я к тому времени уже имел некоторый опыт работы с этой категорией специалистов, у меня в мозгу сложился собирательный образ бухгалтерши как женщины, лишенной всяких половых признаков, несчастливой в личной жизни и оттого вредной и злой до умопомрачения. По отношению к бухгалтеру «условно» женского пола я был способен испытывать только одно желание: немедленно ее уволить. Все, ничего больше. Не хотелось бы, чтобы мое отношение к жене вскоре стало таким же. Поэтому я с пониманием отнесся к тому, что Рита в семейной жизни стала ласковой домашней кошечкой. Компенсируя свое прозаическое образование, она читала романы Булгакова и Курта Воннегута, обзавелась коллекцией классической музыки, отдавая явное предпочтение романтикам – Листу, Шуберту и Шопену. Она становилась все более утонченной, а я бесконечно работал, создавая концепцию сети заведений национальных кухонь. Я уже открыл небольшой, но очень уютный ресторанчик «Гарна дивчина», где подавали настоящий украинский борщ с пампушками, вареники с разными начинками, жаркое из куриных желудочков... Меню было не слишком обширным, но блюда готовили качественно и очень вкусно. С открытием ресторана узбекской кухни я провозился долго: мне нужен был не просто «тамошний» житель, который умеет делать плов, а настоящий, высококлассный повар. Я искал его долго и уже почти был готов отложить идею в долгий ящик, когда такой человек неожиданно нашелся. Огромный бородатый улыбчивый мужик по имени Анвар обладал не только всеми необходимыми умениями, но и фантазией, которая для повара лучше любой рекомендации. Я делал интерьеры ресторанов яркими, но не слишком дорогими, потому что мои заведения не принадлежали к премиум-классу, рассчитанному на очень богатую, выпендрежную публику. Это были просто хорошие, не слишком дорогие, но и не дешевые рестораны, в которых уютно и вкусно. Я не жалел денег на национальную атрибутику, на милые безделушки, которыми украшал залы, у меня трудились талантливые молодые художники, им же я заказывал и дизайн посуды, тщательно всматриваясь и оценивая рисунок каждой тарелочки. Я уже замыслил чешский ресторан на месте бывшего «Гномика», нашей любимой с Борькой пивнушки. Мой пер-

венец «Урфин Джюс», когда-то бывший незабвенной «Пирожковой», с которой начиналось мое вхождение в бизнес, давно превратился в довольно элегантное заведение, куда приходили не столько за тем, чтобы поесть, сколько за тем, чтобы изящно выпить и легко закусить каким-нибудь деликатесом. Сейчас такие заведения мы называем гастробарами. У нас была огромная карта коктейлей и вин, на закуску мы предлагали традиционную «пирамидку» – так называли нашу многоярусную закусочную тарелку. Она была похожа на ту, в которой принято подавать разные виды пирожных и сладостей, но у нас каждый ярус был наполнен деликатесами: тонкой нарезкой сыровяленой говядины, сырным ассорти, оливками, подсушенными ломтиками копченого лосося, и на самом верху – цукатами, фундуком и засахаренными ягодами. Конечно, работала и кухня, но фирменная тарелка «Урфин Джюс» была на пике популярности. Такой заказ не надо было ждать, он был очень сытным, подходил к любому бокалу и очень радовал впечатлительных девушек, которых сюда приводили, чтобы показать, как пьют и закусывают люди, умеющие жить.

Рита очень живо интересовалась, как идут дела в моих ресторанах, но – вопреки предсказаниям мамы – не выказывала ни малейшего желания помогать мне как специалист. Я тоже не хотел, чтобы жена превратилась в финансовую фурию, и в первые годы супружества ее участие в бизнесе условно можно было назвать оказанием консультационных услуг. Единственный настоящий интерес у Риты вызывали путешествия. Мы с ней побывали на Майорке, после чего она без памяти влюбилась в Испанию и протащила меня по всем курортам ее побережья. Потом мы расширили свой кругозор за счет Португалии, Франции, Италии. Правда, я все чаще мечтал побывать в Кении, в ЮАР, в Сингапуре, но Рита об этих странах и слышать не хотела. Постепенно туристическая тематика вытеснила из ее интересов все остальное. В один прекрасный момент моя жена сказала мне:

– Евген, как ты согласишься на идею открыть туристическое агентство? Я все взвесила, я справлюсь.

Я был не против, в конце концов, я в своей жизни тоже следовал за собственной мечтой, почему же я должен лишать этой возможности жену? Короче говоря, я не возражал, и моя Рита мгновенно преобразилась: из изнеженной красотки стала превращаться в деловую женщину, которая с утра до ночи пишет электронные письма, узнает стоимость аренды офисов и так далее... Длилось это, впрочем, недолго. Очень скоро оказалось, что моя жена вынашивает не только идеи – Рита была беременна, и мы решили отложить реализацию ее деловых проектов на более поздний срок. После рождения Алисы супруга надолго забыла о своих планах: девочка требовала постоянного внимания и терпения, которое оказалось не самой сильной стороной Ритиной натуры. К идее открытия своего бизнеса она вернулась, когда Алиске было уже лет семь. Когда за девчонкой не нужно стало вытирать сопли, жене сделалось скучно, и она вновь заговорила о турагентстве. Примерно тогда же она начала подбираться к выбору подходящего жилья. Как я мог согласиться с тем, чтобы вся моя обширная семья оказалась под одной крышей? Неужели это было нужно лично мне? Ответ очевиден: мне это не было нужно.

Сколько времени я провел тогда в подвале? Я шарил в глубинах сейфа снова и снова, освещал фонариком каждый миллиметр, но что это могло изменить? Надо было смириться с действительностью и решать, что делать дальше, а это оказалось самым трудным. Тяжело дыша, я рухнул на пол, не пожалев своего любимого плащика «Хьюго Босс» и попытался систематизировать свои мысли. Не получалось. Я понимал только одно: я не хотел вмешивать посторонних в свою жизнь, даже если эту жизнь твердо вознамерился оборвать кто-то из моих родных. Размышления о членах семьи вызвали острый приступ обиды и горечи. Сколько моих сил, труда и денег – в конце концов, почему я должен сбрасывать это со счетов – потрачено на каждого из тех, кто жил со мной под одной крышей! Сколько своих собственных фантазий и представлений о жизни и ее устройстве я благополучно похоронил в угоду членам семьи! И что я заслужил в итоге? Пулю в башку? Меня внезапно накрыла такая мощная волна обиды, что я

вскочил на ноги и стал шарить по карманам в поисках телефона. Надо звонить Борьке, покушение можно раскрыть только по горячим следам, а без его помощи в полной темноте мне не справиться. План, который лихорадочно формировался в моей голове, был такой: обойти все квартиры, собрать всех, кто есть дома, в одном помещении, и заблокировать там. В это время провести обыск всех квартир с целью найти пистолет. Борька будет сторожить домочадцев, а я – искать оружие. Если кто-то в это время придет с улицы, того тоже нужно будет обыскать и запереть вместе с остальными. И ведь я настолько поверил в эффективность этой ахинеи, что чуть не позвонил другу и не облажался по полной программе. Слава богу, какой-то внутренний тормоз придержал мой палец от нажатия нужной кнопки на айфоне. Боже, какой только бред не лез тогда мне в голову!

Особнячок, который оказался в собственности у моего старинного друга Борьки и который мой приятель захотел поменять на одно из моих помещений, не давал Рите покоя с самого первого взгляда. Объехав к тому времени пол-Европы и насмотревшись там на всякие милые городские особнячки, она мечтала, чтобы ее дом был расположен в центре города, чтобы на первом его этаже располагалось нечто такое... Нет, не ресторан, ибо будет шумно и не избежать проникновения в жилые помещения запахов кухни. Может быть, магазин или салон? И не какой-нибудь там... ей хотелось чего-то изысканного, – например, чтобы в первом этаже располагалась художественная галерея, а на втором жили мы. «А почему бы не офис турагентства?» – спросил я как-то Риту, но она даже говорить об этом не захотела. Еще чего не хватало! Жить и работать в одном месте – это же тюрьма какая-то. Пока мы размышляли, я таки совершил с Борькой обмен. У меня было достаточно денег, городской особнячок мне был не нужен, но в какой-то момент Ритка все-таки меня утолкала: загородный дом мы построим потом, если он вообще нам понадобится, а сейчас будем жить, как городская знать в предыдущие века! Примерно такие рассуждения я слушал с утра до ночи, пока окончательно не сдался. Однако Рита не могла себе представить, что дальше все возьмет в свои руки моя Ксения Алексеевна.

Когда мама узнала об особнячке, ее прорвало. Папа в последнее время сильно сдал, он плохо ходил, у него болели суставы. У самой Ксении Алексеевны в то время обнаружили диабет, стаж его пока был маленький, требовалась только строгая диета и минимум таблеток, но мама безрадостно смотрела в будущее и, опуская глаза, рисовала нам страшные картины своего завтрашнего дня. Словом, нагнетала обстановку как могла. Не понадобилось много времени, чтобы понять ее мысль: никакой галереей, офисом, магазином и уж тем более рестораном такой прелестный особнячок поганить нельзя. Это будет страшное преступление против истории городской архитектуры, которую местные власти не хотят и не умеют сохранять. Дальше – больше. Не успел я понять, куда она клонит, как мама завела песню о том, что наш младшенький, наш милый, талантливый мальчик Виталик ведет беспорядочный образ жизни. Он уже несколько раз влипал в неприятные ситуации, и за ним нужен постоянный присмотр. Папа не столь современен и бодр, чтобы оказывать влияние на своего сына, сама Ксения Алексеевна просто не знает, в какой плоскости искать необходимые аргументы, а вот я... С моим опытом в организации бизнеса, с моей дисциплинированностью, моим авторитетом на работе и в семье... В общем, по ее мнению, я вполне годился на роль устроителя семейной идиллии, и постепенно мама подвела к тому, что нам всем следует жить вместе. Не одним большим цыганским табором, конечно, ведь у каждого своя семья, подрастают дети. Старикам нужен покой, молодежи – развлечения, хотя и под контролем взрослых, одним словом, у каждой семьи своя жизнь. Но ведь и квартиры в новом доме будут у всех свои. Никто не предлагает жить одной огромной коммуналкой! Ни в коем случае! Просто в какие-то моменты жизни начинаешь понимать, что семья – это главное. Важнее ее в нашей жизни ничего нет. Таковы были рассуждения мамы, которые она выдавала порционно, не обрушивая их на меня сразу, а продавая мне мозги целенаправленно и планомерно, останавливаясь, когда я начинал оказывать сопротивление, и начиная новую атаку после того, как я остывал.

Педалирование Ксении Алексеевны по части Виталика, признаться, начинало мне надоедать. Мой младшенький давно вырос и превратился во вполне самостоятельного и отвечающего за себя мужчину. У него не все было ровно, но кто, собственно, разрабатывал критерии? У каждой судьбы свои изгибы, в конце концов. Когда Виталик окончил журфак, стало окончательно понятно, что журналистом он никогда не будет. За все время своего студенчества он не написал ни строчки ни в одну газету, практику проходил в каких-то пресс-службах, где угодно, но только не в СМИ. Когда я только начинал свой бизнес, у меня появился приятель, успешный журналист нашего местного телевидения, и я решил попросить его «попробовать» нашего Виталика. Как раз надвигалось лето, время практики, Виталик оканчивал четвертый курс университета – самое время думать о будущей работе. Или хотя бы о сфере, в которой себя мыслишь: телевидение, печатное СМИ, связи с общественностью... Тогда выбор был не особенно широк. Я предложил брату связать его со своим новым знакомым. На что Виталик в искреннем недоумении выпучил глаза.

– Зачем? – только и спросил он.

– Как зачем? – пожал я плечами в ответ. – Ты же через год станешь дипломированным журналистом. Ты же хочешь работать по специальности?

Виталик только усмехнулся.

– Подожди, ты хочешь работать журналистом или это просто диплом ни о чем?

– Странные у тебя какие-то понятия, – ответил мне брат. – Почему ни о чем? Допустим, журналистом я не буду, да я и не мечтал, я не особо хорошо пишу. Но ты тоже не повар, а в ресторанном бизнесе очень даже хорошо себя чувствуешь, правда? Почему бы и мне себя не попробовать? У тебя же все вышло, почему у меня не может получиться?

Виталик подмигнул мне, озорно, почти по-детски, и я ему поверил. Виталик не умел писать, не пытался попробовать себя на экране или в радио эфире, но он любил медиасферу, в ней он чувствовал себя как рыба в воде. В конце концов, он, наверное, был прав: когда я открывал ресторан узбекской кухни, я не умел не то что профессионально, но даже и сносно приготовить плов. Но ведь этого от меня и не требовалось, этим занимался специалист.

Впрочем, мой брат отнюдь не торопился определяться с тем поприщем, на котором он хотел бы реализовать свой профессиональный потенциал. Из разговоров с ним я быстро составил себе представление о том, к чему он стремится: он хотел приличной должности, щедрых, не считающих деньги и не требующих в них отчета спонсоров, свободы действий, расслабленного графика рабочей жизни. Но соединить все это на одном месте не получалось. Сначала Виталик польстился на должность начальника пресс-службы в крупной корпорации, где были и хорошая зарплата, и престижная запись в трудовой книжке, но и речи не шло даже о хотя бы относительной свободе действий и рабочего графика, ибо в коллективе царил дух непримиримого соперничества, а жестокие правила служебной иерархии возводились в культ. Борьба за бонусы и надбавки выливалась в ежесекундное наблюдение за действиями каждого сотрудника, все друг друга подсигивали и ненавидели. Долго Виталик там не продержался, а на мои вопросы только огрызался, напоминая, что мне не приходится вставать в семь утра и нескончаемый, нудный рабочий день терпеть крыс, которых хочется пришлепнуть. Я пытался объяснить ему, что я могу более или менее свободно распоряжаться своим рабочим временем, брать отпуск, когда хочу, и ни от кого не зависеть, только потому, что все это я организовал сам. Но в созданном мною предприятии такой широты маневра больше не имеет никто, и точно такая же система координат будет у любого предпринимателя. За все, что я могу себе позволить, я плачу высокую цену – я рискую. Ежедневно, ежеминутно. Когда беру кредиты, когда даю завуалированные взятки, когда просчитываю и мониторию потребительские вкусы. Я рискую, поэтому я имею право себя вознаграждать. Если я хочу поощрить кого-то еще, то такое решение опять же я принимаю сам. Виталик понимал, но не смирялся.

Найти денежных спонсоров Виталику все же удалось, но и там оказалось не все так просто. Нувориши, внезапно и сказочно разбогатевшие в начале нового века, массово рванули в политику, и приобретение собственных СМИ для них стало не только необходимым инструментом продвижения, но и особым шиком. Каждый считал, что настоящий пацан должен владеть не только заводами и пароходами, но и газетами. Эти ребята легко скупали акции местных телеканалов, открывали собственные радиочастоты и учреждали газеты. Но оставались в политике не все: одни просто теряли к ней интерес, не получив желаемых дивидендов, другие доверху упаковывались купюрами и по-быстрому отваливали за рубеж, чтобы оградить себя от перспективы попасть в иные, не столько отдаленные и благоустроенные места. Третьи как раз там и оседали, и уже не до газет им становилось. Кто-то закреплялся в политике, но их было не так много, и они очень серьезно ограничивали круг посвященных и приближенных лиц. Виталик попал сначала к одним, потом к другим и уже практически отчаялся, но тут одна финансово-промышленная компания приобрела франшизу популярного федерального еженедельника, куда моего Виталика пригласили на руководящую работу. В принципе, это место было как раз для него. Виталик не писал сам, но зато хорошо ориентировался на медиарынке и знал, чем привлечь публику.

Когда умер наш дед, я добровольно отказался от дележа той части наследства, которая была выделена нам с Виталиком, а именно от квартиры, которую предстояло продать, а деньги поделить между нами с братом. У Виталика уже имелась семья, жилье дорожало с каждым днем, ему надо было вить гнездо, и я уступил сам, без просьб с чьей-то стороны. Просто по-братски. Я думал, младшенький обрадуется, но он почему-то продемонстрировал иную реакцию.

– Я так и думал, что с бизнесом тебе помог дед, – сказал он на поминках так тихо, чтобы никто не слышал, – иначе бы ты не отказался от квартиры, правда, братишка?

– Отказался бы, – не согласился я, – я старше и уже успел что-то заработать, а ты пока еще нет. Тебе нужнее.

– Только не надо строить из себя мецената, – огрызнулся Виталик, – ты просто испытываешь чувство вины, что тогда дед тебе помог втайне от всех нас, и теперь ты в шоколаде, а я, как ты сам заметил, еще нет. Тебе просто стыдно еще и на эту хату руку наложить.

В тот день, вовсе не предназначенный для ссор и споров, мы не поругались, но появилась некая трещина в наших отношениях. Получалось, что я и правда пытаюсь выглядеть благодетелем, а Виталик чувствует себя при этом оскорбленным. Мне этого не хотелось, я дорожил отношениями с ним, но трещина все же залегла, он перестал первым звонить мне, на свои дни рождения всегда оказывался где-то в отъезде. Мы по-прежнему встречались у родителей и у меня в ресторанах на праздники, я был на крестинах его сына Артема, но прежняя близость стала улетучиваться.

Когда мама завела разговор о том, чтобы собрать нас всех в одном особняке, я сначала яростно сопротивлялся, но постепенно она закладывала мне в сознание мысль о том, что это может вновь соединить нас с братом. Я не знаю, на что рассчитывала мама, но у нее с Виталиком давно все пошло наперекосяк, и я подозревал, что она сама хочет вновь сблизиться с ним и наладить отношения. Наш Виталик всегда был красивым парнем. У него ровные белые зубы, большие влажные карие глаза, темные, выующиеся крупным локоном волосы, которые он всегда носил длинными, потому что понимал, засранец, как красиво они оттеняют его длинную шею. В юности и молодости у него было худое лицо и впалые, слегка недобритые щеки, что придавало его облику какой-то бунтарский и романтический вид. Ко всему этому он высок ростом и чертовски гибок от природы. Девушкам он не мог не нравиться. Как сказала мне когда-то одна из обманутых им подружек в минуту пьяной откровенности, «сексуальность струится из него потоком». С возрастом братишка, конечно, изменился, посолиднел и окреп силуэтом, но все равно остался таким же плейбоем и красавцем, каким был в юности.

Когда Виталик привел на Новый год за общий семейный стол свою невесту Викиусю, мы все были в шоке. Но если папа отошел от потрясения довольно быстро – ему вообще все до лампочки, а я предпочел держать свои оценки при себе, то мама чуть не заболела. Хотя на сей раз маму можно было понять – лицеизреть у себя в доме этакую Чиччолину оказалось бы по силам не каждой чопорной даме, получившей воспитание в строгие советские годы.

Я не ханжа, мне в общем и целом нравятся яркие женщины, но в Викиусе все присутствовало с таким явным перебором, что воспринимать ее всерьез было просто невозможно. Когда она вошла, я, признаться, оторопел. Хорошо еще, что тогда у нас в гостях не было Борьки, иначе мы с ним, боюсь, не удержались бы в рамках приличий. Если б посмотреть на нее тогдашнюю из сегодняшнего дня, любой сказал бы – девушка явно переборщила с силиконом. Но в том-то и дело, что в те годы за силиконом еще не бегали, как в парикмахерскую. Фокус Викиуси заключался в том, что с виду она была силиконовая, но при этом совершенно натуральная! Сиськи у нее были не меньше чем пятого размера, хотя росточек ее явно недотягивал и до 160 сантиметров. Упаковано все это богатое добро было в некую обтягивающую леопардовую штучку с очень глубоким декольте, из которого соблазнительно выглядывали кружавчики черного лифчика. Лицо Викиуси разрисовала на манер боевой индейской маски: брови своей формой, может, и были бы хороши, если бы не выглядели столь явно и жирно нарисованными, на щеке чернела карандашная мушка, ресницы опускались и поднимались, как крылья бабочки. Единственной данью природе был их черный цвет. Губы Викиуси не накрасила, ее обширный рот жил, казалось, своей отдельной жизнью: губы были настолько объемными и пышными, что наводили на мысль о негритянских корнях в происхождении девушки. Сегодня никто не поверил бы, что она не впрыскивает в них изрядные порции. Волосы Викиуси вытравила до такой степени, что их истинный оттенок не смог бы, наверное, определить и эксперт-криминалист. На ней были обтягивающая черная мини-юбочка, мелкосетчатые колготки и уже упомянутое мною чудовищное леопардовое чудо-декольте. В ложбинке между огромных грудей терялся нательный крестик, что мне показалось уж совсем кошунственным – цепочку можно было бы сделать и покороче.

Когда при виде братишкиной невесты, которую легко было спутать с порнодивой, мы все многозначительно замолчали, Виталик зарделся от гордости: он действительно считал, что приобрел редкую красавицу, производящую на всех потрясающее впечатление. Мама отошла последней из всех нас. Оправившись от первого шока, она попыталась разговорить Викиусю, но тут выяснилось, что наша будущая родственница не дружит с устной речью. Когда ей задавали вопрос, она только закатывала глаза, и когда мы не могли понять, что это значило, ее переводчиком становился Виталик. Именно от него мы и узнали, что Викиуся собирается стать дизайнером одежды (то есть нигде не учится и не работает) и что она очень серьезно относится к будущей профессии. И вскоре Викиуся действительно подтвердила свои намерения, когда стала таскать Виталика по европейским курортам и столицам, чтобы вывезти оттуда максимальное количество шмоток, доступное ему по деньгам. Для изучения, конечно. И приобщения к будущей профессии.

Никто тогда не сказал Виталику ни слова. Это была его личная жизнь, и семья не считала себя вправе в нее вмешиваться, но маму явление Викиуси надолго выбило из колеи. Ей было безумно стыдно за свою невестку: та не прочитала за свою жизнь и двух книг, не могла поддерживать никакие разговоры, даже если их темы были, казалось, несложными для ее понимания. У нее вдобавок ко всему прочему были дефекты речи: она не выговаривала некоторые буквы. Мама мечтала не о такой невестке для любимого младшенького сынули, но я в глубине души даже злорадствовал: вот до чего ты, милая, доруководилась. Когда в семье брата родился мальчик, Ксения Алексеевна немного успокоилась: в конце концов, чтобы иметь доступ к внуку, с наличием странной невестки так или иначе приходилось мириться.

Я понял, что на особняк мама возлагает большие надежды в плане обобщения и воссоединения семьи, потому как Виталик, в отличие от меня, к родителям наведывался нечасто. Причиной тому, конечно же, была Викуся, которая чувствовала себя в доме неуютно, и я подозреваю, что еще больше, чем мамино настороженное отношение, ее бесило снисходительное покровительство моей супруги. А Рита, несмотря на мои строгие предупреждения, все-таки обожала поддевать жену Виталика и никогда не отказывала себе в удовольствии построить общий разговор таким образом, чтобы подчеркнуть Викусино невежество. Поэтому когда мама в очередной раз завела песню про заселение в особняк общим семейным кланом, я ответил: «Хорошо!» При этом я был абсолютно уверен, что ни Виталик, ни его жена ни за что и ни при каких обстоятельствах не согласятся жить с нами со всеми большим цыганским табором. Брат слишком ценил самостоятельность, и я предполагал, что он не захочет, чтобы родители были в курсе особенностей его времяпрепровождения, которые так и не изменились с его буйной молодости. Алкогольные гулянки и полуночное шатание он из своего расписания так и не вычеркнул, даже став семьянином и отцом. Я считал, что нигде не работающая, праздная, недалекая Викуся уж тем более не согласится быть постоянно на виду у нашей семьи. Но неожиданно оказалось, что я сильно ошибался.

Викуся, как я уже сказал, нигде не работала, хотя попытки устроиться, надо отдать ей должное, когда-то предпринимала. Вернее, Виталик, используя свои многочисленные знакомства, свел ее с какими-то предпринимателями, у которых была сеть магазинов одежды. Викуся пошла на работу, но очень быстро выяснилось, что, кроме элегантного забрасывания ноги на ногу, когда она опускалась в кресло, и демонстрации изысканного маникюра при столь же утонченном курении, она не очень представляет, что еще она может делать в салоне модной одежды. А работы там было хоть отбавляй. Заказывать и принимать товар, отсортировывать брак, проводить скидочные кампании, работать с недовольными покупателями и их жалобами. Словом, рутинные дела, к которым Викуся оказалась не готова. Ее это не интересовало. После месячного неудачного опыта в том бутике больше на работу она устроиться не пыталась, насколько мне известно. У Викуси было своеобразное отношение к семейным ценностям: она дорожила своим положением замужней дамы – кто-то же должен был ее кормить, одевать и возить на курорты. Видимо, она ответственно относилась к своим супружеским обязанностям, хотя на интимные темы мы с братом никогда не разговаривали. В остальном семейная жизнь ее тяготила, она мешала ее распорядку дня. Викуся просыпалась не раньше одиннадцати, и когда Артемка стал подрастать, а впереди замаячила школа, это стало серьезной проблемой. Кому-то же надо кормить ребенка и водить его на уроки в такую рань. Викуся не умела готовить и принципиально не хотела учиться. Не то чтобы ей было все равно, что употреблять в пищу, отнюдь – аппетит у нее был волчий, несмотря на свой кроличий вес и субтильность, она могла съесть за ужин несколько полноценных порций. Просто ей не нравилось возиться на кухне: резать, чистить, потом мыть посуду... Она предпочитала кормить сына фастфудом, и уже к восьми годам мальчик стал постоянно жаловаться на боли в желудке. Мама готовила ему варенье из облепихи, заставляла Викусю регулярно добавлять его внуку в чай, только тем мальчишка и спасался. Виталик тоже устал от постоянного кормления чем-то покупным, и когда ему становилось невмоготу, он приходил ко мне в ресторан, просил ухи, или являлся к маме на борщ. По тому количеству, которое он мог съесть за один присест, становилось понятно, как редко ему выпадает простое домашнее счастье – полакомиться пусть и бесхитростной, но любовно приготовленной на собственной кухне едой. Так и вышло, что оба супруга увидели в соседстве с бабушкой выход из положения. В них обоих вспыхнула надежда, что Ксения Алексеевна будет кормить Артема завтраком, пока Викуся спит, а потом обедом, пока его мамочка посещает магазины и проводит время перед телевизором. И все это время она будет натаскивать его по языкам, что очень полезно в любом возрасте. От деда тоже могло быть много пользы: никто не умел так просто и доходчиво объяснять точные предметы, с которыми Артемка как раз испыты-

вал большие затруднения, как наш Петр Никифорович. Так и вышло, что «интересы Артема» стали решающим фактором в семье моего брата. Переселение под общую крышу оставляло свободу маневра для каждой семьи – никто не собирался жить в одной квартире, у каждой семьи была бы своя, а некоторые ограничения этой свободы компенсировались бы постоянным наличием горячих завтраков и обедов, которые должна была обеспечивать мама. Моя Ксения Алексеевна не сразу поняла, что из нее пытаются сделать всеобщую кухарку, а когда скумекала, было уже поздно. Решение приняли, я совершил сделку по обмену своей недвижимостью на особняк, мы провели грандиозный семейный совет, распределили квартиры и начали ремонт. Вернее, употребление множественного числа здесь, конечно, не совсем уместно. Разумеется, основные траты легли на мои плечи. Предполагалось, что квартиры переселяющихся в особняк родственников будут проданы только тогда, когда нам всем уже будет где жить. А до того мне приходилось решать финансовую составляющую глобального семейного вопроса в одиночку. Хотя на совете мы постановили, что каждый вносит вклад в обустройство своего жилья в соответствии со своими амбициями, мне приходилось постоянно платить сверх запланированного, иначе ремонт мог затянуться на многие годы. У родителей не имелось доходов, которые могли бы покрывать неожиданно возникающие траты, братишка был погружен в постоянные финансовые проблемы своего учреждения. Так что платил все равно я. Кстати, о Виталике и его «учреждении», как я коряво выразился. Вопреки моим ожиданиям, брат перестал прыгать с места на место и закрепился на той работе, о которой я уже упоминал. Бизнесмены, к которым он прибил, делали последовательные шаги в местной политике, и газета им все еще была нужна. Одна беда – они не хотели вкладывать в ее развитие никаких денег. То есть они хотели, чтобы их воспринимали как людей с собственными медиавозможностями, но чтобы это ничего им не стоило. Вначале все шло еще не так плохо, но со временем, когда рекламный рынок стал сдвигаться в сторону интернета, начались проблемы. Виталиковы боссы ставили вопрос так: не можешь работать – уходи, можешь – работай, но деньги клянчить не надо. Даже мне было понятно, что эта постановка неправильная. Относиться к СМИ как к бизнесу можно только в том случае, если это он и есть. То есть дело, требующее первоначальных вложений. В любом другом случае это только политический инструмент, который требует постоянных дотаций. Но братишкины партнеры вкладываться не хотели, на каждый возникающий в ходе производства газеты долг реагировали, ожесточенно скаля острые зубы. И Виталик стал бояться лишний раз соваться к ним с проблемами предприятия, он считал, что если учредители откажутся от его услуг, он потеряет свою профессиональную репутацию навсегда. А не хотелось: Виталик развивал свой еженедельник шаг за шагом, делая, даже на мой непрофессиональный взгляд, все очень правильно. Пусть он не стал журналистом, но медиаменеджер из него все-таки получился. Он собрал команду крепких профессионалов, последовательно развивал сайт, постоянно генерировал какие-то интересные идеи. А между тем перетекание рекламного рынка в Сеть стало уже неотвратимым. У официальных печатных СМИ, каковым был еженедельник, которым руководил мой брат, остались только два источника дохода – непосредственно продажи газеты и государственные контракты, то есть информационное сотрудничество с органами власти. Для этого нужно было делать хорошую читабельную газету, при этом ухитряться не ссориться с властями и стараться не выпрыгнуть из нищенского бюджета дотаций, до которого снисходили учредители. Это было очень не просто. Стоит ли упоминать, что при возникновении малейшей проблемы Виталик бежал ко мне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.